

The book cover features a central illustration. On the left, a woman with blonde hair, wearing a white blouse, cradles a baby wrapped in a blue cloth. To her right stands a man with long, dark hair and a beard, dressed in a dark tunic with a fur collar and a sword at his waist. The background is a dark, atmospheric scene of a medieval battle or a village under attack, with smoke and fire visible. The overall color palette is dominated by blues, greys, and warm, golden-brown tones from the background scene.

*Галина
Гончарова*

11

ЧУЖИЕ МИРЫ

Средневековая история

Галина Дмитриевна Гончарова

Средневековая история. Чужие миры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69231268

SelfPub; 2023

Аннотация

Лилиан Иртон в кои-то веки повезло. После похищения, она смогла спастись, спрятаться и спокойно родить ребёнка. Приобрела новых друзей и знакомых. Но ей нужно домой, в Иртон. Хорошо, что есть вирмане, которых отправил на поиски его величество. Они и до дома доставят, и в паре авантюры поучаствуют, и себя не забудут. А дома продолжается кошмар. Так же лютует неизвестный маньяк, и нет на него управы. Или есть? Маньяк это или жертва чужого коварства и глупости? Решать вопрос придётся графу Иртон. И нести ответственность за решение. Всю оставшуюся жизнь. Что ж. Ради близких и любимых можно сделать что угодно. Лишь бы быть вместе. Одной семьёй. Одним сердцем. В любом из миров.

Галина Гончарова

Средневековая история. Чужие миры

Чужие Миры

Пролог

– Ай,ля!!!

Со второго этажа трактира несся вдохновенный русский мат. Благо, опознать его в этом мире было некому, и упрекнуть даму в употреблении неподобающих выражений – тоже.

А и наплевать! В данный момент любой, кто сказал бы Лилиан Иртон хоть слово протеста, полетел бы головой вниз со второго этажа. И плевать на обстоятельства!

Мать вашу ать!!!

Вы рожать пробовали!?

Нет!?

Молчите, п... ползуны! Молчите!!!

Лилию скрутило очередной схваткой – и она опять принялась ругаться.

Минута, две... а, в такой момент они за сутки кажутся – и вот особенно сильная боль. И – сердитый, гневный крик ребенка.

– Мальчик!

Лиля выразилась еще раз – поинтереснее. И сделала последнее усилие.

Послед...

Больно-то как!

Словно каждый раз ежа рожаешь! Фууууу! Но зато теперь можно плюхнуться в кровать. Здесь, слава богам, нет гинекологических кресел, которые придумал Король-Солнце... чтоб ему на том свете засветили! От каждой роженицы...

Врачу-то удобно, а бабам каково?

Здесь, зато, есть родильная пеленка. Уселась над ней – и давай, выпихивай младенца на свет божий. Альдонаев...

А как иначе?

Тюфяки, между нами, денег стоят, мебель нынче тоже дорогая, а уж сколько стоит постельное белье... и за просто так угробить его в родах? Тут не миллиардеры живут!

А вот как закончила свои дела, можешь и в кроватку лечь. Что Лиля и сделала.

Тем временем малыша обтерли, перевязали пуповину, завернули в пеленку – и наконец, протянули Лиле. Женщина взяла белый сверточек, посмотрела на серьезное красное личико.

М-да...

И почему все новорожденные для нее похожи на гусеничек? Маленьких красных червячков? Еще и противно орущих.

Некормленных девять месяцев, ага! Внутри мамки сидел,

потом полз через такое место, а тут еще и не кормят? Заорешь тут, как не из себя.

Лиля поспешила прицепить орущую «прищепку» на сосок, и ребенок вцепился в него с активностью голодной пираньи.

– Ганц. Ну, будем знакомы снаружи.

– Давай, мы пока тебе поможем, – рядом засуетилась Марион, закрутилась повитуха... каких усилий стоило заставить ее переодеться, вымыться, вычистить грязь из-под ногтей...

Свое здоровье дороже. Лиля договорилась на золотую монету, что было диким расточительством, обычно давали серебряшку, а то и меньше. Но повитуха за меньшую сумму не соглашалась. А ее сиятельству совершенно не хотелось помереть от родильной горячки.

Так что...

Отдраить и залить кипятком со щелоком всю комнату.

Прокипятить все белье, а для младенца – два раза.

И конечно, гигиена для всех, кто участвовал в родах. А то может, повитуха пять минут назад попу чесала, а теперь роженице туда полезла?!

Ну, знаете!

На такое Лиля не договаривалась, но бесплатная (или мало оплачиваемая) медицина во все времена одинакова. Лечиться даром – даром лечиться.

А так – кто платит, тот и прав. И усердия повитуха прила-

гала куда как больше, в расчете на премию, которую ей сейчас выдаст Марион. В средние века роды – это всегда лотерея. Русская рулетка, страх сказать каким местом. Но – повезло.

В этот раз роды длились поменьше, всего шесть часов боли, и вот он, малыш. Лириан коснулась губами нахмуренного лобика.

Сын.

Уже второй...

Пока к груди приложила, пока все убрали, пока...

Это в роддомах хорошо, там персонала много. А когда на все про все два человека? А часто и того не бывает?

Вот время и пробежало. И Лиля почувствовала себя безумно усталой. Марион забрала у нее ребенка. Ганц Иртон насосался, словно клещ, и отвалился, смешно посапывая маленьким носиком.

Завтра Лиля уже не будет его пеленать, как кокон.

Завтра...

Сегодня у нее не было сил объяснять про движения. Про то, что малыш должен тренировать мышцы, что заворачивать его, словно гусеницу надо не всегда...

Все потом!

– Ты отдохни. Я его рядом положу, пусть поспит...

Лиля кивнула.

– Спасибо.

Откинулась на подушки и прикрыла глаза. А сон не шел...

Вот так и бывает – выплеснулось в кровь слишком много гормонов, и какое там спать? Переварить бы этот бешеный коктейль!

Лиля лежала в комнате, слушала сопение малыша, и думала о своем, о женском. Восемь месяцев назад она и не предполагала рожать своего ребенка в такой обстановке. Но рада, что не в лесу и не в поле.

Да, и так бывает.

Ты – графиня, а ребенка рожать приходится в одной из комнат трактира, во вражеской, считай, стране. Авестер, будь он неладен.

А ведь год назад все было намного лучше! Ну что ей стоило поберечься?

Не подумала...

Казалось, жизнь налаживается. С мужем были найдены и взаимопонимание, и симпатия, и даже, кажется, любовь. С его стороны точно, да и Лиля начинала что-то такое испытывать. Проверила Джерисона в серьезном деле, и поняла, что на мужа можно положиться.

Уэльстер хорошо попробовал их на зуб. Впрочем, ей грех жаловаться, Гардвейг – король Уэльстера и вообще помер после их визита.

Нет, они не виноваты, просто так совпало... им тоже не понравились бунт, переворот и прочее. Пришлось поучаствовать и немного помешать. Заодно и друг на друга посмотрели в деле.

И кто бы мог подумать, что Джерисон Иртон – такой? Хорошо же он маскируется в обычное время. Хотя Лиля надеялась, что и она его удивила. Человек сильно раскрывается в критической ситуации, в другое время такого не дождешься.

Вернулись домой, воспитывали дочь, родили сына, Джерисон занимался гвардией, ну и немного торговлей Броклендов, надо же кому-то дело потом передавать. Лиля развивала торговую марку Мариэль...

А потом все принялось рассыпаться, словно карточный домик от порыва ветра. Дунул великан – и полетели картинки по ветру, трепеща боками. Знать бы только, кто именно дунул, Лиля бы ему кляп вставила – до самого низа.

Сначала в Лавери приехал посланец из Авестера. Барон Лофрейн.

Хорош был, сволочь... собственно, и хорош, и был – и сволочь. Одно другого не исключало. И приехал он именно по душу Лилиан, с весьма неприличными предложениями. Забавно, как красавчики уверены в своей неотразимости?

Вот кто, кто сказал парню, что если он красивый, то бабы на него вешаться будут. Все – и без исключений? И ни одна не откажет!

Ну работает же у кого-то мозг?

Обязан!

Но видимо, ранее Лофрейну думающие особи женского пола не попадались. Или разумно прятались и свой ум не демонстрировали – что с дураком связываться? Пер красавчик

напролом, за что был пару раз крепко бит... ладно, слегка охлажден. Да и доставалось ему не так, чтобы сильно, нельзя же посла калечить. Хоть его и послали, но вдруг еще понадобится?

Опять же, покалеченный посол – повод для войны, а воевать Лиле не хотелось. Нормальная женщина предпочитает жить, поживать, добра наживать, детей растить...

Но уж точно не воевать.

Тем более, с Авестером и так мира нет...

Вот уж сколько лет прошло, с тех пор, как Имоджин Авестерская отрастила рога и попыталась забодать ими законного супруга. Так и не помирились две страны, так и тянется между ними «холодная война». Положа руку на сердце, Лиля покойную королеву понимала – обидно. Когда твой супруг детей на стороне плодит, это кого хочешь обидит. И когда с тобой не считаются, и все внимание фаворитке...

И Эдоарда можно было понять – любовь. Да такая, что звезды. И в глазах, и из ушей...

И Джессимин Иртон – кто ж от такой любви откажется?

А в результате как не было мира между Ативерной и Авестером, так и нет. И наверное, не наступит. Потому как нынешний король Авестера, чтоб ему кой-чем накрыться, решил поквитаться. То ли за тетку, то ли за дочку. Да, еще его высочество Ричард, когда ездил свататься, вежливо от принцессы Лариссии отказался. И страшна, и глупа, и родство близкое.

Понятно, авестерцам только последнюю причину озвучили, но обиделись они – на все три и сразу.

Что в результате?

Послал его величество Энтор барона Лофрейна с тайным заданием – вывезти из Ативерны мозг и сердце торгового дома Мариэль. А чего?

Самый жестокий удар – не по печени, а по кошельку. Самые поросячьи санкции – экономические.

Лишить Ативерну источника доходов, и перенаправить их в свой карман. Разве плохо? И сделать это надо так, чтобы Ативерну опозорить, а Авестер не подставить. Если просто похищение – тут ай-яй-яй.

А если баба с любовником сбежала?

Позор вам, граф Иртон, жену не удовлетворяете, со стороны специалистов приглашать приходится... да каких! Половина Авестера осчастливлена, на очереди Ативерна!

Лофрейн и поехал.

Рассчитывал он быстренько соблазнить Лилиан Иртон, вывезти ее из страны, подстроив побег с любовником, а уж дальше пусть его величество решает, что с ней делать. Но дама оказалась отвратительно несговорчивой и вредной.

Получилось так, что пришлось даму похищать. Потому как влюбляться она решительно отказывалась. Да ладно – она!? У нее опыт, у нее свой муж не хуже, ее и здесь неплохо кормят!

Так ведь Лофрейну даже Миранда Иртон отказала. Когда

он решил попробовать соблазнить дочь и с ее помощью шантажировать мать, девочка не поддалась. Поиздевалась, ответила достаточно болезненно, но даже не заинтересовалась.

Поголовье думающих женщин увеличилось еще на одну голову. Весьма симпатичную.

Энтони скрипнул зубами, и решил похитить ее сиятельство. А поскольку такой наглости никто не ожидал, ему все удалось. Ненадолго.

Да, охрану Лилиан перебили. Ее погрузили на борт корабля и отправили в Авестер.

Но – погоня тут же была пущена по следу. Вирмане вышли в море, и если бы Лиля попалась к ним, то спокойно вернулась домой.

Не повезло.

Или?

Всю жизнь ее сиятельству (а давным давно – студентке медвуза Алевтине Скороленок) внушали, что спасение утопающих, дело рук самих утопающих. И никак иначе.

Хочешь жить?

Подсуетись!

Вот она и...

С помощью одного из матросов Лиле удалось бежать с корабля. Правда, позднее оказалось, что у матроса были свои интересы, да какая теперь разница? Если Лофрейн заметил их побег, пустился вдогонку, и на берегу они оказались уже втроем?

Матроса Лофрейн в итоге убил. И оказались они с бароном в положении Робинзона Крузо и Пятницы. Только вот Даниэль Дефо в свою книгу мно-ого романтики вложил. А упомянуть о реалиях жизни не озаботился.

Да, пожил мужчина на необитаемом острове. Дождался корабля, уехал обратно...

А дождался бы не того корабля, а к примеру, пиратского, и не уехал бы никуда. Запытали бы и убили. Реалии жизни, увы.

У Лилиан тоже такой вариант был, разве что ее могли еще и многократно изнасиловать перед смертью. Ее это почему-то не устроило.

Лофрейна?

Тоже.

Хоть и был барон избалован бабами до последней крайности, но полным дураком не являлся. И логически мыслить умел. Выходило так, что нужно с берега топать к людям своим ходом.

Ага.

По лесу.

С благородной дамой, которая по идее, не знает слова «марш-бросок».

Как бы барон решал эту задачку в реальности, будь на месте Лилиан кто-то другой? Лиля даже думать об этом не хотела. Либо... да, без вариантов! Лежали бы там рядом два скелетика, беленькие и чистенькие – вот и все. Но Лиля уми-

рать не хотела.

Она беременна, хорошо хоть срок самый ранний, она знает, а больше пока никто.

Ей надо домой, к мужу и детям...

Пройти пару сотен километров по лесу?

Запросто!

Такого не бывает? И для женщин подобные поступки нехарактерны?

Да вы шутить изволите, господа?! Лиля, в бытность свою гарнизонным ребенком, и в походы ходила, и в «автономки», и в лесу им жить доводилось – дети же!

Вот представьте! Военный городок! Лето! Каникулы! И толпа детей, которые бесконтрольно носятся везде. Просто – везде, дети, они ведь как боевое отравляющее вещество. Везде проникнут и пролезут. Что смогут – сломают, что не смогут – утащат и все равно сломают, а что не смогут утащить... а, все равно что-то да сделают. Это же дети! Им все нужно, важно, интересно... а что там думают родители, их не касается! У них свои планы на жизнь! И все родители глупые! И старые! И ничего не понимают...

Конечно, взрослые старались их чем-то занять. И вымотать по максимуму, чтобы городок уцелел. А еще чтобы дети никуда на склады не залезли и ничего не развинтили. Они ж даже ядерную боеголовку на части разберут! Только дай! А сплавить детей в лес дня на три-четыре, это же просто замечательно!

Возвращались загорелые, исцарапанные, кое-кто и сопливый, и с разбитыми коленками... и рвались в автономку снова и снова.

Это было ТАК здорово!

Кто не ночевал в лесу, не сидел у костра, не ел кашу из котелка, с дымком, настоящую, с самостоятельно собранными грибами, не смотрел на звезды из леса, не дурачился в палатке...

Не было?

Вот и не думайте об этом!

Лучше и не знать, сколько вы потеряли.

Чего только у них не было! И корни рогоза собирали, пекли. И лягушек ели...

Да, в детстве это было приключением. Настоящим. А в другом мире – жизнь спасло, так вот. Пройтись по лесу для Лилиан было детской игрой. И прокормить себя, благо, лето – несложно. Грибы она знала, костер развести умела...

Но если б не Лофрейн – погибла бы.

Когда встретились с бешеным волком...

Сама Лиля с ним бы не справилась. Тут и царапины хватит... Энтони с ним справился. И сам не пострадал. А что потом случилось...

Лиля это вспоминать не любила.

Бывает такое после боя. Мужчины хватают первых попавшихся женщин, да и женщины... в Великую Отечественную был такой термин: «Походно-полевая жена». Не любовница,

не проститутка. Жена.

Та, которая будет рядом в трудную минуту, поможет, поддержит, выслушает... и секс тут особо не при чем. Родного человека рядом хочется. Близкого, понимающего.

Останутся живы, так может, и поженятся. А нет...

Судьба.

У каждого это было по-своему.

Их с Лофрейном бросило друг к другу. Один раз. Измена ли это?

Да.

И в то же время... Лиля поняла бы Джерисона, окажись тот в подобной ситуации. И простила.

А Джес – ее?

Лиля не знала, и собиралась промолчать об этом случае. Даже на исповеди молчать будет! И под пытками промолчит! Не было ничего. Точка.

Как бы сложились отношения дальше – Бог весть. Лично Лилиан собиралась отравить Энтони Лофрейна и уйти. Вот выйдут из леса, и получит «Робинзон» парочку бледных поганок в супе. Или волчью ягоду в компоте. Выживет – пусть Альдоная благодарит. Помрет? Пусть пожалуется. Опять же Альдонаю, лично... Лиле надо было вернуться в Ативерну, мужчина не отпустил бы ее, выбор очевиден. Женщина выбирала свою жизнь и свою семью.

Но реализовать свой выбор ей не пришлось.

В действие вмешалась шайка «лесных братьев». А по-

простому, подонков, по которым виселица плачет. Вынесла их откуда-то Мальдоная прямо на путешественников... хотя этого отребья во всех мирах полно! Энтони защитил графину. А сам – погиб.

Так быстро и жестоко!

Так неправильно!

Хотя в чем-то... Лиля была рада, что ей не пришлось убивать Лофрейна. Это было бы вовсе уж гадко. Она даже сделала то, о чем... пожалеет?

Или нет?

Себе на этот вопрос она ответить не могла, значит, и другим его задавать не стоит.

Когда Энтони умирал, она соврала ему в глаза. И сказала, что ждет ребенка от него. Не от Джерисона. От Лофрейна.

Хорошо это или плохо?

Выгоды она тогда не искала, просто хотела, чтобы мужчине стало легче. Так что... когда она помрет, она, наверное, отправится к Альдонаю. Встанет перед ним и откроет душу.

Пусть ее судят за вранье.

А она за собой вины не чувствовала до сих пор.

Джерисону она и этого никогда не расскажет. Не потому, что муж будет сомневаться в отцовстве. Лилия точно знала, что Джес ей поверит. Потому что...

Можно изменять телом. Мужчины так часто делают, для них это как стакан воды выпить. Выпил, пошел по своим делам, забыл... что была баба, что ее не было. Это просто тело,

не душа. А значит, и ревновать не стоит.

К этому Лиля не ревновала.

А вот когда душа....

Когда смотришь человеку в глаза, и видишь не цвет или форму, а самое душу, запечатленную в его или ее зрачках, когда две души сливаются, и дыхание сплетается... это другая степень близости. И она бывает без секса.

Намного важнее секса.

Интимнее и серьезнее.

Когда их с Лофрейном бросило друг к другу, это была чистая физиология. А вот на поляне... когда он умирал, на несколько часов они стали близки до невозможности. И умирающий Лофрейн стал ей дороже всех на свете. Лиля солгала не в поисках выгоды. Она искренне хотела дать ему... ну хоть что-то! Кусочек тепла, обломок веры, надежды, счастья...

Хоть лучик солнца в темноте ночи! Как бы пафосно это ни звучало.

И это было намного сильнее любой постели. Именно об этом не стоило рассказывать мужу. Это даже не измена, это кусочек души, отданный другому человеку. Но Энтони... ему стало легче. И она это видела. Лофрейн отдал ей свой браслет и свой перстень, и написал завещание в пользу сына или дочери.

Воспользоваться им?

Лиля не знала, стоит ли. Какое-то время она вообще хотела уничтожить завещание. Нечестно ведь! Неправильно!

Она солгала, и пользоваться плодами этой лжи – подло!

С другой стороны, Лофрейн понимал, что ее ребенок может быть и от Джерисона. Наверняка. И все же – понадеялся. Поверил. И Лиля оставила листки, испачканные кровью.

Пусть полежат, запас карман не тянет. Пусть подождут своего времени. Не понадобится – так и забудется. А вдруг?

Вот кто бы сказал, что им понадобятся уроки выживания? В двадцать-то первом веке? В лесу!? Лягушек ловить и лопать? Камыш копать? Ночлег без палатки обустраивать? Когда везде компьютеры, а интернет даже в Антарктиде скоро будет? И роуминг у белых медведей?

Да бред!

Ногодились же! Вот и эти листки пусть полежат. Авось да пригодятся...

Дальше...

Дальше все было и проще, и сложнее. Рассчитывать пришлось только на себя, но и опасаться больше было некого. Лиля кое-как добралась до людей и направилась в город.

Сначала в один, потом в другой... ей требовался крупный порт.

Либо чтобы сюда зашли вирмане, либо нанять корабль до Ативерны... ну ладно! Хотя бы место себе купить, чтобы довести, а не выкинули по дороге, предварительно пустив по кругу.

Путешествовать по суше?

Лиля рассматривала и этот вариант, но беременной? Или

с грудным ребенком?

Нереально!

Срок подходил зимой, как раз она родит, переждет несколько месяцев сезон штормов и болезней, и летом уже... Да, летом можно попробовать. И Лиля окрепнет, и ребенок...

Но ведь до рождения ребенка надо как-то дожить.

Кушать надо, крышу над головой надо, да и корабль на какие-то деньги нанимать... на какие? Баронский браслет в ломбарде заложить? И свой добавить?

Сапфиры, изумруды...

Стоят дорого.

А дадут за них – медяки.

Просто потому, что первый же вопрос, который ей зададут где угодно – откуда? И Лиля засветится, как неизвестная в этом мире новогодняя елка. И пойдет слух... и попадет она в цепкие ручонки Энтора, от которых пыталась удрать.

Это неправильно.

И еще более неправильно, если ее убьют за эти драгоценности. Что вполне возможно. И убьют, и не пожалеют... и глазом не моргнут. Сейчас человеческая жизнь стоит дешевле медяка, что уж говорить про оборванку, которая выложит в ломбарде изумруды и сапфиры?

Убьют.

Но даже если что-то заплатят, если ей удастся уйти с этими деньгами от всех претендентов на ее кошелек и жизнь,

надолго этих денег не хватит. А бандиты наверняка заинтересуются...

Так дело не пойдет.

Лиля задумалась, а потом нашла-таки альтернативу.

Медициной она пока заниматься не могла. Изобрести что-то полезное не могла. Что оставалось? Да то, что умеет по определению каждая женщина. Ну... практически каждая.

Исключения есть, но редкие.

Готовить!

Средневековая кухня – своеобразна. Здесь в ходу соусы и маринады, специи и пряности, которые пытаются прикрыть не особо качественные продукты. Лиля сделала упор на оборот.

Вкусно, быстро, недорого, сытно – для тех, у кого мало времени и много дел. Для тех, кто много и тяжело работает.

В том числе для городской стражи.

В одном ей повезло. Она нашла для себя подходящее поле действий.

Или – не повезло? От везения тут было маловато, она искала целенаправленно. Искала таверну, в которой дела идут не блестяще. Так ноги и занесли ее сиятельство в «Рыжего ежика».

Симпатичная некогда таверна переживала упадок.

Когда в ней был хозяин, Ром Сали, она процветала и приносила доход. Хватало и на дело, и на прожитье, и даже о расширении Ром задумывался. Да вот горе – умер.

Оставшись с детьми на руках, его вдова, Марион Сали, попросту растерялась. И было отчего! Дела она вести не умела, в бумагах путалась, готовила вкусно, но там еще и продукты надо заказывать, и с поставщиками ругаться, и порядок поддерживать, и...

Очень много всего надо, если у тебя таверна.

Марион не справлялась. Тут еще соседushка ее, лавочник по имени Арман Пажо (точно – большая жо... кхм, простите) положил глаз на симпатичную вдовушку с таверной и вознамерился вслед за глазом туда еще и руки выложить.

Пакостить начал.

Всякую шушеру в таверну приводить, чтобы дебоши устраивали, с поставщиками говорил... да много чего нехорошего сделал.

Лиля бы ему голову оторвала.

Марион оказалась добрее, она попросила не трогать поганца, лишь бы он оставил женщину в покое. На том и порешили, и остался Пажо живой. Злобой исходил, как дышал, но не убили же? Так, чуточку побили и опозорили.

Лиля и Марион заключили договор.

Лиля оставалась в таверне, жила, готовила, получала часть прибыли, делилась опытом и рецептам и, не тая ничего, а когда она уедет – все останется Марион.

В накладе никто не будет.

Так и получилось.

Пельмени в этом мире тоже пошли «на ура», Лиля ввела

еще кучу разновидностей любимого блюда, добавила вареники, чебуреки, гамбургеры, хот-доги (а чего, если изобретение хорошее?) и дело пошло.

Скидка для стражи.

Обеды на вынос.

Обеды на заказ.

Какое там разорение?!

С ног женщины сбивались, готовить втроем не успевали, пришлось помощников нанимать, что на кухню, что на разнос... тут уж Марион развернулась.

В людях она разбиралась неплохо, да и знала всех, кто рядом жил. Знала, кого звать, кого гнать...

Может, и не получилось бы у девушек такого прорыва, но Лиля умудрилась заключить договор с прево Ларусом.

Прево...

Где-то таких людей называли шерифами, где-то комиссарами, а суть все равно одна – следить за порядком. Следить и защищать.

Не допускать беспорядков, гонять стражников, сажать преступников... есть что-то новое? Вот и Лиля не увидела. И в любом мире такая работа сопровождается невысокой зарплатой, ненормированным рабочим днем и частенько – бытовой неустроенностью.

А тут прево попал...

В таверну...

Да в руки Марион Сали.

Что-то подсказывало Лилиан, что скоро у таверны появится хозяин. Или, что вероятнее, не будет Мартин лезть в дела супруги. Будет помогать, защищать, беречь, а с остальным Марион и сама справится. Это она при муже серой мышью была, потом растерялась, а сейчас свою силу почувствовала! Так и носится.

И глаза горят, что у той кошки...

Устроит свою жизнь, наверное, и Лари – девушка, которую Лилиан подобрала по дороге. Вдова, она сбежала от любящей семейки в город и собиралась вовсе уж пропадать – или продавать себя на панели, когда повстречала на дороге Лилиан.

Сначала-то Лари не сообразила, с кем дело имеет. Потом поняла, и прилипла к подруге.

Сейчас она по праву была первой помощницей Марион. И гоняла поставщиков.

Продать Лари что-то тухлое или несвежее было невозможно. Деревенская девушка сама продуктами торговала, и гнилье с тухлятиной за версту чуяла, а обвес и обмер улавливала на подсознательном уровне.

Марион нарадоваться не могла.

А Лиля видела – на Лари положил глаз ее знакомый трактирщик. Дядюшка Патни, как она его прозвала. Не то, чтобы он ухаживал, как это у благородных принято.

Цветы, конфеты, украшения – этого не было.

И как у крестьян – хлопнуть по заду, да и предложить про-

гуляться до сеновала, этого тоже не было.

А вот оказаться так ненавязчиво рядом, пригласить за прогулками, подарить теплую шаль, посидеть после закрытия в уютном трактирчике...

Лари привыкала, оттаивала, и Лиля была искренне рада за подруг.

Все же – они из Авестера.

Они здесь родились, росли, жили и живут, им здесь комфортно. Пусть тут и остаются.

Да и сложно будет объяснить, откуда у графини Иртон появились друзья из Авестера. И знают они Лилиан под другим именем.

Аля.

Здесь она вернула себе родное имя, чтобы ненароком не услышал о Лилиан никто из стукачей и соглядатаев. И... здесь же обнаружила, что имя стало для нее чужим.

Когда-то в чужом мире она надела чужую маску.

Маску ее сиятельства Лилиан Иртон.

А теперь обнаружила, что маска стала лицом. И что прикажете с этим делать?

Окажись Лилия сейчас в родном мире, она бы там волчицей взвыла, так-то. И как она так незаметно преобразилась? Ведь не ответишь...

Самой себе не ответишь....

Была Алевтина Скороленок, стала графиня Иртон, и это не игра. Играет она сейчас, пытается натянуть на себя ста-

рую шкурку, и это, как ползунки надевать на сорокалетнего мужика. Аккурат, на одно запястье. Долго такую одежду не проносить. Да, пора уходить.

Не совсем сейчас, но скоро, очень скоро, иначе ее разоблачат. Какое-то время она еще сможет играть, но рано или поздно проколется. Люди – практичные существа, видя от кого-то пользу, они не станут задумываться о странностях. Но когда эффект новизны спадет, когда дело наладится, когда работа станет рутиной...

До этого времени Лиле надо уехать.

Она покосилась на малыша в кроватке.

Тот спал.

Смешно нахмуренный лобик, посапывающий крохотный носик, темный вихор на лбу...

– Я надеюсь, Ганц, ты мне не доставишь больших хлопот? Будешь умницей?

Ребенок словно почувствовал, что о нем говорят.

Открыл ротик и запищал, подтверждая, что да-да, он готов быть умницей. Но – кормите!

Сейчас!

НЕМЕДЛЕННО!!!

А то я вам тут устрою...

Лиля фыркнула.

Старшего ей кормить толком не дали. Она хоть и старалась, но... обязанностей куча, графини так не делают, дорогая, у нас дел полно, нам спешить надо...

Потом еще и зубы прорезались.

Старшему повезло меньше.

А этого она выкормит до года, не меньше. Больше-то ни к чему, что бы там не писали и не говорили. Если кормление малыша пойдет во вред материнскому здоровью, то и мелко-му оно не на пользу будет. Если мать себя плохо чувствует, неужели это на молоке не отразится?

Посыпались у тебя зубы? Ну так и в молоке кальция не хватит... откуда?

Начались проблемы со здоровьем?

Так это тоже отразится...

Так что Лиля малыша прокормит, сколько получится. А дальше...

Корабль.

Аттиверна.

Дом...

Лиля посмотрела на темную головку, прижатую к ее груди.

Справимся, малыш?

Хотя... что это за глупые вопросы и пораженческие настроения!?

Обязательно справимся.

А помирать нам, рановато, есть у нас еще дома дела...*

**— М. Бернес. Песня фронтового шофера, прим. авт.*

Песня фронтового шофера вспомнилась неожиданно. Но Марк Бернес дряни не писал. И Лиля почувствовала себя

вдруг удивительно спокойно.

Чужие миры?

Чужие дороги?

Чужие лица?

Идите вы к Альдонаю, граждане! А она скоро будет дома.

И никак иначе.

И графиня Иртон уснула с чувством выполненного долга.

А что там творилось в окружающем мире?

А это неважно, лишь бы ей спать не мешали. И малыша не будили...

И снился Лилиан Иртон – ее Иртон. Так незаметно и уверенно ставший домом. Ее родной дом...

Глава 1

Аттиверна, Лавери.

– Лялечка, детка! Ну, давай! Ты справишься!

Собака посмотрела на Миранду весьма неодобрительно.

Справишься!

Молчи лучше! Сама бы рожать попробовала! Посмотрим, как ты тогда меня подбадривать будешь!

Миранда гладила собаку по голове.

– Вот, первый есть.

Конечно, по-настоящему принимал роды Тахир дин Даш-шар, не видевший особой разницы между человеком и собакой. Работа есть работа, а хороший пес стоит дороже плохой.

го невольника.

Миранда училась.

Ляля рычала.

– Ага, и второй...

– Ты ж моя умничка! Лялечка, а как Нанук будет счастливым!

Напоминать про отца явно не стоило, рычание получилось вовсе уж грозным.

– Лялечка... вот, вот так...

Дети – это счастье! Восемь щенков – тоже! Теперь главное, чтобы молока хватило.

– А если не хватит? – задумалась Мири.

– Будем смотреть. Может, придется их подкармливать, – порадовал девочку Тахир.

Щенята пищали и лезли к матери. Ляля принимала это копошение с терпением мученика. Мири погладила ее еще раз и пошла на кухню, за вкусняшками. Заодно, по дороге Нанука погладила.

– Поздравляю, ты стал папой. Восемь раз.

– Красота! – обрадовался Эрик, который как раз слышал этот разговор. – Ваше сиятельство, а что со щенками делать будете?

Миранда задумалась.

А правда – что?

Это не комнатная собачка, ей и хозяин нужен, и дело, и вообще... десять таких лосей, которые будут носиться по особ-

няку?

– Не знаю...

– Вирманские псы много кому нужны, – намекнул Эрик. – Очень умные собаки.

Мири кивнула.

– Я подумаю.

А правда, что делать со щенятами? Надо посоветоваться с ма... с папой надо посоветоваться. Пока мамы нет, он тоже что-то придумает.

Интересно, а как там мама? Родила уже? Мальчика или девочку?

Почему-то Миранде казалось, что с мамой все в порядке. А может, она просто мысли о плохом не допускала. Вот, мама вернется...

Мамы ведь обязательно возвращаются, правда?

Правда...

Авестер, Берма

– Родила?

– Мальчик. Назвали Ганцем.

В то время, как Лиля грезила в комнате наверху, в общем зале, внизу, несколько мужчин и женщин подняли рюмки.

– За здоровье малыша! – провозгласил Мартин Ларус.

И первым осушил рюмку.

– Уррраааа! – поддержали стражники, которые в это время как раз столовались в трактире.

Лари захлопала в ладоши.

– Как здорово!!!

Коул Патни (не любил он свое имя до ужаса, и старался представляться по фамилии) улыбнулся девушке и тоже поднял рюмку.

– За Алию! И маленького Ганца! Здоровья им!

Девушка унеслась на кухню, не замечая, как мужчина проводил ее почти хозяйским взглядом.

Вот уж не думал, не гадал Коул Патни, когда на его пороге появились две девчонки, что так получится. А судьба раскинула карты – и не отвертись.

Был он в свое время и моряком, был и наемником, попал в плен, бежал... много чего было. И опыт у него был... специфический. Потому и людей он различал неплохо. Одну-то девчонку сразу видно было – крестьянка! Недавно из деревни, сопли подолом вытирает!

Вторая...

А вот эта была интереснее. Благородная? Безусловно! Но ни хамства, ни чванства в ней не было. Живая речь, улыбка... не бывает таких благородных! Бред это!

Коул заинтересовался. И решил понаблюдать за загадкой, сколько получится. Девушки тоже времени зря не теряли.

Алия быстро привела себя в порядок, взялась за спутницу, и вместо двух нищенок мужчина увидел двух вполне симпатичных женщин. Потом они переехали, но...

Покрутило дядюшку Патни и там, и сям, о кухне разных

мест он знал много. Только вот так – нигде не готовили.

Эти ее вареные пирожки, пельмени, слоеные пирожки, гамбургеры, остальные идеи...

Странно!

Но ведь есть-то можно! И клиенту нравится! Быстро, дешево, удобно, хранить можно... те же пельмени можно на лед вынести, можно отварить, да и заморозить, а потом в печь – и вкуса они не потеряют!

Блюдо сытное, вкусное, настоячки под него хорошо идут, выгонка, а вот дорогих специй и вовсе не надо! Это ж какая прибыль!

Трактир Марион Сали начал процветать.

А дядюшка Патни, так получилось, пригляделся к Лари.

Случайно, совершенно случайно... пришел в гости, да и оказался посреди скандала. Марион как раз была с детьми. Что-то там случилось, то ли малявка ногу пропорола, то ли лоб разбила – не отойти. Аля была ужасно занята, что-то у нее то ли подгорало, то ли убежало, она и выпихнула Лари – принять овощи. Привезли поставщики.

Еще Ром договора заключал, так же удобнее! Не мотаться каждый день на рынок, а раз в десять дней привезли тебе из деревни, в погреб сгрузили, да и пользуйся.

Ага...

Уж что там Рому Сали привозили, Коул не знал. Но вот его вдове...

Принимать мешки вышла Лари.

А вы пробовали впихнуть крестьянке – гнилые овощи? Девушка по запаху поняла, что где-то подвох, заставила мешки развязать, нашла малым не прошлогодний кочан капусты, да не один, помороженную репу, еще что-то...

Понятно, крестьяне такого не стерпели, это ж надо!

Поймали!

За руку!

БАБА!!!

И так-то обидно, а это уж вообще! До слез! До крика!!!

Вот крик и стоял! Да такой, что вся улица слышала.

Лари держалась стойко, но было видно, что надолго ее не хватит. Коул и вмешался.

Рявкнул, гавкнул, треснул кулаком... заменили и репу, и капусту. А потом Лари ревела у него на плече, приговаривая сквозь слезы, что им никак нельзя!

Вот другим можно, а им же нельзя... трактир – это единственное, что у Марион осталось, и если они людей будут тухлятиной кормить, так к ним никто не пойдет, а денег нет – и на улицу.

И у них с Алией денег нет, они сюда последнее вложили... и если что тоже на улице окажутся... поэтому им никак нельзя сейчас... мало того, что они за плохое свои деньги заплатят, считай, все заново покупать, так ведь из гнилья и не приготовишь хорошо...

Лари ревела.

А Коулу было ее... даже не жалко, нет! Скорее, он ис-

пытывал уважение к женщинам, которые объединились – и пробуют выжить. Это ведь не на панель пойти, не себя продать... что, та же Лари не могла в деревне мужа найти?

Могла!

Марион не могла под Пажо лечь?

Тоже могла.

Но ведь не хотят они продаваться. Все своим умом, трудом, горбом... что ж не поддержать хорошее дело?

Так, слово за слово... Сначала Коул пару раз пришел, когда поставки были. Поругался, конечно, куда денешься! Потом помог заменить двоих самых наглых поставщиков.

Потом насчет посуды поговорили, кое-что требовалось докупить, заменить...

Аля свалила это на Лари. Самой женщине и тяжело уже было, и неудобно. У печи она крутилась, это верно, но там и покомандовать есть кем, и все же в тепле, спокойствии. А на рынке – поди! Походи!

Толкнут, ударят, обругают, обворуют... хорошим – не кончится. Так и вышло, что закупки отдали в руки Лари, а Коул раз составил ей компанию, два...

Девушка менялась на глазах.

Исчезала забитость и робость, распрямлялись плечи, появлялась улыбка... небось, деревенские родичи ее сейчас и не узнали бы!

Коул и увлекся.

А вот что дальше... Жениться?

Не хотелось. Но – почему нет? Да и Алия с ним поговорила достаточно жестко. Рассказала без прикрас, какую жизнь подруга вела в деревне. Чего она ждет от всех мужчин.

И – главное. Если Коул намерен просто ее.. поматросить и бросить – Алия решительно против. С ее подругой так поступать не стоит, Алия сильно обидится. А обиженная она – злая.

Коул так и не понял, чем ему может угрожать глубоко беременная женщина. Но и глядя в решительные зеленые глаза, спорить совершенно не хотелось. Почему-то ему казалось, что слов на ветер женщина не бросает.

А Лиля просто действовала, как привыкла.

За ней стояла сила?

Она так всегда и говорила!

Да даже в семнадцать лет, отправившись поступать в медвуз и заселяясь в общежитие, она себя не чувствовала беспомощной и беззащитной. За ней всегда стояли родители. И Лешка, который готов был приехать с друзьями и любого башкой в унитаз засунуть. Да и сама она чего-то стоила...

Эту уверенность чуяли. И лишний раз с Алей не связывались.

Коул смотрел вслед Лари, и думал, что надо бы сделать девушке предложение. Надо...

Алия уезжать хочет, он это знал. Она сколько раз говорила, что в Берме до лета. А если Лари решит с ней поехать?

Ну уж – нет! Такая красотка нужна самому!

И Коул решительно хлопнул еще рюмку.

Ативерна, Лавери.

– Ничего! Рик, я с ума сойду!

– За отсутствием ума, сумасшествие тебе не грозит, – меланхолично заметил его величество.

Джес злобно выругался.

– ... ты!!! И ... в... на...!!!

– А это уже оскорбление величества. Пока словом, но...

– Но если не прекратишь издеваться – будет и действием.

Рик, неужели ничего не слышно?!

Ричард вздохнул.

– Джес, ты пойми! Нашли мы корабль, на котором увезли твою Лилиан. Сейчас они на Вирме, там их допросили, Олав Хардринг письмо прислал.

– Сюда их надо! – подскочил Джес.

Ричард качнул головой.

– Джес, ты Гардрена видел?

– Да...

– Олав его палачей использовал. И жрецы Холоша помогли... вытряхнули из морячков все возможное. Уж ты поверь – вплоть до испачканных пеленок.

– И?!

– Твою Лилиан они действительно увезли. Но не особо виноваты. Нанял их барон Лофрейн – они и выполняли приказ нанимателя. А что он там за бабу на корабль погрузил...

его дело! Если платит!

– ...!!!

– Кто бы спорил. Но факт имеет место.

– И что?

– Они шли вдоль берега Авестера, когда в одну из ночей пропали все. Наниматель – барон Лофрейн. Твоя супруга. И один из матросов.

– Кто!?

– Некто Алекс Ройс.

– Кто это такой?

– По утверждению капитала, уэльстец, бежал из страны после мятежа Альбиты. Был в отряде барона Фремонта.

– ...!!! – эмоционально выразился Джес. – Зачем ему Лиля!?

– Отомстить? – Ричард понимал, что и вопрос, и ответ, скорее, риторические. Но – факт.

– Тогда зачем ему барон?

– Тоже отомстить? – насмешливо предположил Ричард.

Ответом ему был злобный взгляд фамильных синих глаз графа Иртона.

– Ладно, – примирительно поднял рук Ричард. – Есть предположение, и я подозреваю, что оно наиболее верно. В каюте твоей супруги не осталось ничего, кроме хулиганского рисунка. Ройс тоже собрал все свои вещи. А вот все добро барона Лофрейна оказалось на месте. Морячки предположили, что барон, встав ночью подумать о жизни, наткнул-

ся на парочку – в момент побега.

– А дальше?

– Шума схватки не было. Сам понимаешь, солдат, чтобы выжить, должен быть достаточно умен...

– А барон?

– По утверждению знающих его людей, Лофрейна тоже голыми руками не взять. Вполне возможно, он увидел конец побега, пустился в погоню, а вот поднять тревогу не успел.

– Крикнуть? И все?

– Ситуации бывают разные.

Джес кивнул.

Это верно, ситуации бывают самые разнообразные. Объединяет их лишь одно – сложность выживания.

– Но получается, Лилиан там одна, с врагом...

– А вот тут мы вступаем на почву предположений. У нас два варианта. Либо барон убивает наемника – и тогда твоя супруга в опасности. Или – не особо.

– Почему?

– Потому что язык у нее подвешен отлично. Как ты думаешь, если она предложит Ройсу от моего имени прощение, титул и деньги?

– Он не поверит.

– А может и поверить. И не сомневайся – я щедро расплачусь.

Джес вздохнул. Он и не сомневался. Неблагодарностью Ричард не отличался. А даже если что...

Лилиан Иртон была выгодна короне. И этим все сказано. Свой карман он всяко ближе к телу...

– Не сомневаюсь.

– Вот. Это один вариант. Второй вариант – твоя супруга сейчас с Лофрейном.

– Это хуже – или лучше?

– Не знаю. Ройс хочет ее убить, Лофрейн доставить к Энтору – как ты думаешь, что лучше?

– Все хуже.

– Вот ты сам себе и ответил. Но боюсь, это еще не все.

Джес фыркнул. Вот кто бы сомневался?

– Давай, добивай.

– Пропала вся эта компания там, где никакого человеческого жилья в округе на несколько дней. Безлюдные лесные места... примерно здесь.

– Ты хочешь сказать, – ужаснулся Джес, – что моя жена...

– Твоя жена еще должна выйти к людям.

– Через лес!? Беременная!?

Ричард только руками развел.

А что, что он еще мог сказать!? Что сделать?!

– Я написал письмо Олаву. Зимой вирмане по морю ходить не любят. Но весной, ближе к лету, они обещали не оставить без внимания ни один порт Авестера.

– Та-ак...

– И если Лилиан куда-то выйдет... есть знак, по которому она может узнать своих? Джес, хоть что-то... не бело-зеле-

ное, слишком заметно. А... что!? Подумай, вы же разговаривали с ней!

Джес невесело рассмеялся.

– Есть, конечно. Если Лилиан его увидит, она поймет, что это свои.

– Слушаю?

– Алое полотнище. А на нем – серп, молот и звезда.

– И что это означает?

Джерисон ностальгически улыбнулся.

– Лиля постоянно рассказывает детям на ночь сказки. Если она дома, это просто обязательно. И эту сказку она рассказала... ты знаешь, мне самому захотелось заплакать.

– Что это за сказка такая?

– Про Мальчиша-Кибальчиша...*

*– *А. Гайдар. Военная тайна,, прим. авт.*

Ричард помотал головой.

– Что это такое?

– Я тебе перескажу – вкратце, ты поймешь...

Лиля действительно рассказала Миранде эту сказку. Как рассказывали в детстве ей про храброго мальчика. Как рассказывали ее родителям.

Зачем?

Потому что искренне считала эту вещь бессмертной. Только буржуинов заменила на врагов, а бомбы патроны – на копья и стрелы, вот и все.

Пройдут мимо дети – салют Мальчишу!

Миранда плакала. Джерисон тогда еще спросил у жены, стоит ли о таком рассказывать? И получил честный ответ – душа должна расти. А дети должны знать, что мир не состоит из розовых пони. Что где-то есть люди, которые убивают детей

И эти люди могут прийти в ваш дом. А вы должны встать на его защиту. И иначе никак. У милого Джеса была не одна возможность убедиться, что супруга умеет постоять за себя.

Разве это плохо?

Джерисон припомнил несколько ситуаций, в которых Лиля оказывалась как по своей, так и по его вине – и махнул рукой.

Женщина же!

Ей виднее, как девочек воспитывать...

Его женщина.

Его беременная жена – невесть где! Хотя по срокам...

– Лилия должна уже и родить.

– Джес, наберись терпения. Все мои агенты твердо убеждены – в Авестере Лилиан нет.

– Может...

– Не может. Где-то что-то просочилось бы. Наверняка. Если она в Авестере, она не дает о себе знать.

– Или...

– Ты в нее не веришь?

– Рик, хватит со мной, как с маленьким. Ты сам все понимаешь.

– Понимаю, – потух Ричард.

Тиру он не забудет никогда. И себе не простит.

Не спас. Не уберег. Не защитил. А ведь и надо-то было сделать всего два шага... два несчастных шага! Что ему стоило выйти на крыльцо – тогда?

Два шага и целая жизнь.

Ричард медленно опустил голову.

– Джес, я просто надеюсь, что тебе повезет больше.

Джерисону было тошно. И в груди свербело. И разговаривать больше ни о чем не хотелось... но Рик не уйдет. Так хоть бы о чем, но не о Лилиан!

– А я надеюсь, что повезет Лиле. Рик, ты мне расскажи, что с убийцей?

Теперь настала очередь Ричарда материться.

Антуан Леруа был недоволен.

Он пользовался гостеприимством короля, но – в Стоунбаге. Только там можно было обеспечить достаточную секретность. Дворец в этом отношении был не лучше проходного двора.

Здесь слуги, там придворные... от сплетен не продохнешь.

А в Стоунбаге тихо, уютно...

Нет, это не издевательство.

Как и любая тюрьма для благородных, Стоунбаг был обо-

рудован по последнему слову. Были и мрачные каменные мешки с крысами (и туда специально не допускались тюремные коты), были и роскошные покои, почти не уступающие королевским. Сиди и отдыхай...

Хотя когда эта интрига начиналась, мужчины планировали быстро ее разрешить. Увы – судьба в очередной раз вильнула хвостом.

Получилось все немного не так, как планировалось.

Да, Ганц подозревал Стуана Леруа.

Но... поймать не смог! Пока – не мог!

Судьба, что ли?!

Ровно через неделю после похорон отца, Стуан Леруа тяжело заболел. Потренировался с клинком под утренним дождичком, и свалился с горячкой. В которой и пролежал малым не месяц.

Конечно, в это время воскрешать Антуана Леруа было неблагоразумно – зачем тогда «убивали»?

Антонель Леруа вроде бы справлялся с наследством. Более того, помирился с братом.

Майкел Леруа вернулся в родовой замок!

И вот это взбесило старика. Да так, что Антуан Леруа заорал нечто непечатное, а потом упал навзничь.

Удар.

Тахир дин Дашшар был вызван тут же. Обследовал герцога, нашел, что для мертвого тот выглядит неплохо, а вот для живого – не особенно. И прописал лекарства, покой, упраж-

нения...

В любом случае, никаких волнений!

Предъявить герцога?

Ну, если вы только хотите, чтобы ложь стала правдой. Ему сейчас надо бы пожить без потрясений, не то помрет...

Что оставалось делать Ганцу?

Только копать!

Ричарду?

Ждать и надеяться на своих людей.

И не напрасно. Ганц таки раскопал причину ссоры между герцогом и его средним сыном. Хотя – что уж там за причина? Не понравилась Майкелу женитьба отца! Мужчина счел ее предательством покойной матери, которую нежно любил. Майкел вообще был маменькиным сыном, хотя и в хорошем смысле этого слова. Мать выделяла его из трех братьев, равно, как отец выделял наследника.

Стуан?

А что с ним такое? Вроде как одет – обут – накормлен... даже деньгами не оставили. Душа? А с душой не сюда, с душой в храм.

Ругаться Ганц не стал. А вместо этого продолжил копать.

В целом, все складывалось в цельную картину. Когда отец женился, Майкел этого не одобрил. Но герцог еще больше не одобрил своего среднего сына, который целовался с его супругой. Аккурат через два дня после свадьбы.

Не рановато ли начали?

Хоть бы месяц выждали для приличия!

Ганц логики в данных событиях не заметил. Вот считайте.

Сын против. Если бы у них было что-то с Джолиэтт, ему бы хватило просто сказать отцу. Эдоарду был принципиален род Леруа, а не кандидатура мужа. Он бы и на Стуана согласился.

Хотя – нет.

Не согласился бы.

Принцессу – в жены младшему сыну?! Без земель и денег? Живущему на медяки? Ну уж – нет!

Да и Анжелину Ганц расспрашивал. Девушка считала, что у Джолиэтт не было никаких увлечений до свадьбы.

А потом сразу появились?

Хм, странно...

Майкела выгнали через несколько дней после замужества. Официально – за поцелуи с мачехой.

Неофициально?

За что?!

Слуги не знали, или Ганц не расспрашивал тех, кто знает. Или...

По утверждению одной из служанок, все происходило в охотничьем домике Леруа...

Тоже чепуха какая-то... допустим, герцог и молодая жена поехали в охотничий домик. Подальше от родных. Но чтобы Майкел туда приехал?

Ага, с намерением поцеловаться с юной мачехой! В дру-

гом месте это никак сделать нельзя...

Нет, нелогично.

Ганц твердо уверился, что ему лгут, и принялся копать еще тщательнее. Но пока его поиски не увенчались успехом. Увы...

Так вот вяло и тянулось.

Герцог гостил в Стоунбаге. На Гардрена косились с опаской.

А убийца пока бездействовал.

Почему? Потому что Стуан Леруа болел?

Вполне возможно. За все это время было лишь одно тело, и то – Ганц так и не смог узнать, что это за девушка. Может, и кто-то подражал Потрошителю...

А может, и нет...

Непонятно. Но ясно, что разворошат они осиное гнездо. Месяц назад Ганц куда-то уехал, и пока еще не вернулся. Что он собрался раскопать?

Где именно?

Ричард не знал. До на то и королевский доверенный, что ему доверяют!

До-ве-ря-ют.

Это Ричард и выложил другу.

Джерисон посмотрел с пониманием.

– А Мири?

– Пока тоже тишина. Ты сам все знаешь...

Джес знал. На эту тему он с Ганцем говорил не раз. Да,

тишина...

Только вот кажется мужчине, что это затишье перед бурей.

– Джес, может, тебе Мири пока в Иртон отправить? С детьми?

– Окончится сезон штормов – и я последую твоему совету.

Ричард кивнул. Потом поделился еще одной новостью.

– Мария беременна.

Джес расцвел улыбкой.

– Рик, мои поздравления! За это надо выпить!

– Согласен! Наливай!

Увы, в кубке оказался сок. На этот раз – вишневый. Джес был верен себе, и пить до возвращения супруги не собирался. Но Ричард не возражал. В хорошей компании и с компотиком посидеть можно. А в плохой что ни выпей...

Авестер, Берма.

Этого типа Лиля заметила сразу.

Оказывается, ремесло трактирщика включает в себя кучу всяких хитростей.

И разбираться в продуктах, и в прислуге, и за клиентами следить, чтобы рассчитались, а не улизнули незамеченными, и чтобы фальшивые монеты не подсунули, и с уборкой...

Все сразу и на одном человеке.

Топ-менеджер небольшого отеля?

Да, пожалуй. Только вот отпуск по беременности и родам

никто не дает. Хочешь жить?

Да хоть с младенцем на сиське, а иди и работай!

И смотри за клиентами, чтобы какого непорядка не учинили. А от этого типа веяло неприятностями. Да еще какими!

По виду – типичный аристократ. В образе графини Иртон Лиля с такими дело имела не раз. Но графиню-то они уважали. И за ее спиной маячила тень супруга, который отлично владел клинком.

А сейчас она просто трактирщица.

А этот...

И ведь не из бедных.

На руке браслет с баронскими сапфирами, а одежда из дорогого эльванского бархата. Темно-вишневый камзол расшит золотой нитью, здесь и сейчас это дорого, очень дорого. Но винные пятна роскошную вещь не красят.

Сапоги с вырезными отворотами, из дорогой тонкой кожи, с вышивкой, но и на них грязь. И выражение лица...

Квасит товарищ благородный.

Не первый день и не от радости. А это плохо. Кто его знает, на какие его подвиги потянет... благородного.

В зале вскрикнула Лари.

Лилия дернулась туда, но не успела – девушка влетела в кухню.

Рукав порван, на плече наливаются синяк.

– Кто?

– Б-барон...

Браслет Лари тоже заметила.

Лиля выглянула в зал и скрипнула зубами.

Вот сейчас и пожалеешь об отсутствии твердой руки. Вот и поплачешь-то... Стражники в зале есть. Но толку от них не будет.

Благородный же!

Случись дело в темном глухом переулке, его бы запинали, как обычного смерда. Но здесь и сейчас, при свидетелях... сословные различия – это местный краеугольный камень. Нет, они его связать не посмеют... пока он не натворит что-то уж очень плохое.

Не подожжет таверну, не разложит на столе ту же Лари, не убьет саму Лириан.

Он может сделать и так. Безусловно, тогда его схватят. Но ведь дворянин же! А они – простолюдины. С него штраф, а то и с них! Просто так, за компанию, чтобы не жаловались на благородных.

Ему – все равно.

А для них может быть уже поздно...

Лиля толкнула Лари в угол.

– Сядь! Что эта скотина заказала?

– Еще вина...

– Отлично. Сама подам.

Лиля цапнула с полки первый попавшийся кувшин, схватила порошок, растворила – и выплыла лебедью.

Крупные размеры имеют одно преимущество. Если умешь ими пользоваться правильно, становишься потрясающе грациозной и величественной.

Но это – если уметь.

Осанка, движения, взгляд, посадка головы, и конечно, уверенность в себе. В двадцать первом веке Лилиан была бы «слонихой». После родов, когда еще не втянулся живот, когда грудь шестого размера...

А здесь – шикарная женщина.

Бароненок – и тот захлопал глазами.

Мальчишка еще, лет двадцать – двадцать пять. Темные волосы, светлые глаза, смешной вихор надо лбом. Хотя это для Лили он мальчишка, по меркам того же двадцать первого века. А здесь – взрослый мужчина.

И убивал уже наверняка.

И убьет...

Лиля остановилась рядом с его столиком.

– Господин, вино для вас. Вы заказывали.

Господин расплылся в улыбке. Тем более, что грудь в вырезе Лиля демонстрировала весьма щедро.

– Что за вино, красotka?

– Самое дорогое, двенадцатилетней выдержки. Как и положено для такого важного господина.

– Двенадцатилетней?

Барончик уже хотел возмутиться, но Лиля наклонилась еще ниже.

– Господи, умоляю вас попробовать. Хозяин будет ругаться.

Барончик выдохнул. Посмотрел еще раз в вырез...

И решительно набулькал себе вина.

– Господин, может вы хотите мяса, жаренного на углях? Или пельменей с рыбой? Наш новый рецепт? Или...

Лиля пела, что та сирена, расписывая все достоинства меню.

Ей и надо-то было пару минут. А потом лошадиная доза снотворного, всыпанная в кувшин, подействовала на пьяного сопляка. И мужчина свалился носом в стол.

Лиля всплеснула руками.

– Господин, вы заснули!? Оххх... стража!

Долго звать не пришлось. Высунулись из-за столика, словно все время выполняли свой долг.

– Госпожа? Звали?

– Господину стало плохо, – со всем уважением показала пальцем Лиля. – Может, вы заберете его к себе? В участок? А там он отлежится, придет в себя...

Старший над стражниками посмотрел на Лилю.

Был он уже стар, сед, и уловку ее отлично распознал. А еще он знал историю Марион. И видел, как из зала вылетела Лари, в слезах. Видел, только что он мог сделать?

Да ничего!

Скрипеть зубами.

Благородная мразь, попался б ты мне, где темнее...

– Конечно, госпожа. Доставим в лучшем виде.

Лиля умоляюще сложила руки.

– Пожалуйста...

Барончика она больше не видела.

А пожилой стражник, который так и заводил – покушать и горло промочить, как-то обмолвился, что в районе доков нашли тело...

Вроде как благородный!

Выпил, загулял... и кто ж его так?

Не узнать...

Нет, не узнать.

Лиля помнила глаза одного из Кошачьих подручных, который шмыгнул за дверь.

Помнила понимающие глаза стражника.

И – молчала.

Некоторым тайнам лучше остаться нераскрытыми. А уж что там был за барон, что ему было нужно...

Она не знала, и знать не хотела. Она сейчас в тылу врага, а врагов жалеть не принято. И точка.

Аттиверна

Зачем Ганца Тримейна понесло в охотничий домик Леруа?

От полной безнадёги!

Несколько месяцев прошло, а дело с места не двигается. Правда, и убийств пока не происходит, но все равно!

Убийца, как хищное животное. Как медведь-людоед, если он один раз попробовал человечину, так и будет охотиться на людей.

Это не меняется.

И убийца...

Ганц хотел бы надеяться, что тот помер своей смертью. Но – вряд ли Альдонай преподнесет своим верным слугам такой подарок. Сколько уж было случаев... и каждый раз зло не молитвами останавливали, а клинками.

Где-то сидит эта бешеная крыса. И кинется, обязательно кинется, дайте лишь время и возможность.

На кого?

Кто станет жертвой чудовища?

Миранда?

Ида?

Еще какая-то, неизвестная ему девушка?!

Ганцу не знал. Но ему было заранее страшно. Если он может хоть что-то сделать... синдром хомячка в колесе, как смеялась Лилиан Иртон? Бежать, лишь бы двигаться? И неважно, что на месте и без смысла, без цели...

Бежать же!

Вот и побегаем!

Охотничий домик герцогов Леруа был... достаточно роскошным для многих, в том числе и для Ганца. А герцогу, наконец, казался почти хижинкой.

Всего десять комнат, два этажа, пристройка для прислуги, конюшня – и несколько сараев рядом. И все.

Нищета, как есть – нищета!

Когда начинался охотничий сезон, здесь появлялось больше слуг. А сейчас, сейчас всего двое. Сторож и его жена. Приглядеть за домом хватит....

Ганц долго думал, как ему представиться, что сказать, а потом решил изобразить бродячего точильщика. Тележка и шесть точильных кругов у него были, одежда тоже...

В любом хозяйстве всегда найдется куча вещей, требующих заточки. Казалось бы – что тут сложного?

А вот неправда ваша!

Хорошо и качественно заточить нож, так, чтобы его не загубить – это целое искусство. А косы?

Серпы, ножницы, топоры...

Все перечислить суток не хватит! И виды заточек!

Прямой односторонний спуск, обоюдосторонний, бритвенный...

Заточка, доводка, полировка – неумеха просто изуродует хорошую вещь. А ведь железо денег стоит. Так что...

Несколько раз Ганц пользовался этим обликом. Когда требовалось задержаться где-либо дня на два, на три... меньше никогда не получалось.

Попробовать сейчас?

Обязательно!

Лэйр Ганц, хотя уже не лэйр, а барон, подошел к маскировке ответственно. Приклеивать бороды – смешно! Только растить!

И волосы тоже, хотя с волосами проще. Мужчины, может, и не заметят, а бабы – те приметливые. За несколько дней любую маскировку раскусят.

Понадобилось несколько недель, чтобы достигнуть нужной степени оволосения и неухоженности. А потом Ганц отправился на разведку.

Вот и охотничий домик Леруа.

Ганц позвенел колокольчиком, который был прицеплен к его тележке. Звенеть пришлось недолго.

– А ну прочь, бродяга! Собак спущу!

– Не надо, добрый господин!!! – захныкал лэйр Ганц. Вполне убедительно, кстати! Барон там, доверенный, а собакам – все равно. И зубы у их острые! – Пожалуйста... я с дороги, наверное сбился! Шел в Шерваль, а попал не туда...

– Шерваль?

Ворота, конечно, не открылись. Маленькая калитка привратника.

И первым из калитки показался заряженный арбалет. А потом и человек к нему прилегающий.

Невысокий плотный мужчина лет пятидесяти, крепкий, как сыромятный ремень. Не жилистый, а скорее, мясистый. Но не жирный. Просто ширококостный, приземистый – и явно опасный противник. Ганц оценил, как он двигается, как смотрит – лучше не связываться.

– Точильщик? Вот как?

– Да, господин. В Шервале, вроде как, спрос есть...

Мужчина еще чуточку смягчился.

Действительно заплутать было несложно. Небольшой городишко Шерваль был неподалеку, в паре дней пути. А лес – он лес и есть. Свернуть с дороги – чего уж проще?

– Шерваль отсюда днях в трех. Ты слегка ошибся...

Ганцу даже изображать расстройство не пришлось – представил, как его сейчас развернут, и выгонят. И топай на своих двоих... сюда он так и пришел – ножками. И пыль, и грязь на нем были самыми, что ни на есть натуральными...

– Ладно уж... Заходи. Переночуешь у нас, наточишь, что скажу, а я тебя накормлю.

– Чай, моя работа дороже одной кормежки стоит!

– Еще и ночлег.

– И под открытым небом переночую, не благородный, – покочевряжился Ганц. – Не в первый раз.

Сторож усмехнулся.

– Ладно. Два медяка.

– Пять.

– Три.

– Четыре – и по рукам.

– Хорошо. Точишь все, что скажу, а потом отправишься
восвояси.

– И ночлег с ужином.

– И даже завтраком, если хорошо работать будешь.

Ганц закивал и рассыпался в уверениях.

Хорошо!?

Просто замечательно! И чудесно! И...

Вы не разочаруетесь, господин!

Работы действительно оказалось много. Ножи, клинки, наконечники для стрел и копий...

Ганц трудился, как заведенный. И взгляд сторожа становился более приветливым, а его супруга, миловидная пухленькая женщина лет тридцати, суежилась у плиты. И тоже смотрела на гостя благожелательно.

Ганц первым делом предложил наточить весь кухонный инвентарь. Мол – и ему проверка, и госпоже помощь...

Потихоньку и разговор завязался.

Ганц расспрашивал о хозяевах дома, но – так. Между делом.

Часто ли приезжают, не застанут ли его здесь?

А то ведь и выгонят... это-то хорошо, а то и затравить собаками могут!

Не могут? Господа хорошие?

Ага, как же!

Сколько он на свете прожил, а только хороших господ не видел! Все они одним медом мазаны! Все одинаковы! Все они быдло плетью гоняют...

Слово за слово....

Ганц не расспрашивал впрямую, но быстро выяснилось, что старый господин строг. Вот он может и собаками. Наследник его, Антонель, здесь вообще не появляется, не по нраву ему охота.

Средний?

Вот Майкелу охота нравится.

Не всякая, конечно, но птицу он бьет с удовольствием. И на крупного зверя ходит. А вот мелочь вроде лис, зайцев... это ему не нравится. Несерьезно!

Младший?

Тоже бывает, наезжает. Вот он – копия отца. И охоту любит, и ему все равно, кого стрелять. И браконьеров гоняет нещадно. А о том годе приказал одного даже собаками затравить.

Да, есть здесь небольшая псарня. Большинство собак возят вслед за лордом, он к этому серьезно относится, сам их случает, сам отбирает лучших, но пара десятков псов живут при охотничьем домике постоянно.

Так вот, Стуан браконьера собаками и затравил.

Потом оправдывался, мол, не понял... отец на него и не ругался сильно. В своем праве, как-никак...

Ганц закивал, демонстрируя понимание. А внутренне усмехнулся.

В своем праве, ага!

Официально Леруа должен был задержать браконьера и представить суду. Окружному. А там уж – или штраф, или высылка, или, в самых тяжелых случаях, отрубание пальцев. Это если сильно провинился. То есть – убил оленя или кабана. Не кролика, кабана!

А вот повесить или изувечить человека – такого права у Леруа не было.

Мог выпороть, мог оштрафовать...

Не убивать.

Узнай об этом Эдоард... или Ричард... ладно! Наказания не было бы. Но фактик в папочку положат! До будущих времен. Потому как тоже, по сути, браконьерство. Королевский же подданный?

Вот и нечего тут... браконьерить!

Так, слово за слово...

Браконьеры, крестьяне, там и до девушек разговор дошел. Тут же поблизости есть деревня?

Есть, не то, чтобы поблизости, день пути... можешь и туда завернуть, оттуда уже в Шерваль отправишься. Дорогу покажем.

Ганц поблагодарил.

Да, прислуга из той деревни. С собой господа людей возить не любят – ни к чему. Разве что с десятков самых дове-

ренных. Но обычно сюда нанимают деревенских.

Сготовить – Тара может. Кухарка она отличная.

Несколько горничных нанять – запросто. Да тут не столько и горничные... дамы-то на охоту не ездят, только господа, а им корсеты шнуровать не требуется. Постель взбить – дело другое.

Несколько слуг – мужчин – господин с собой привозит. И то не всегда.

А Кнуш и Тара живут здесь круглый год! Разве плохо?

Сами себе хозяйева, считай, большую часть года. Господин голубя за пару дней присылает, они и стараются, блеск наводят! Людей из деревни зовут... им господин доверяет!

Он здесь и месяц с молодой женой провести решил!

Ганц цинично подумал, что медовый месяц попросту пересекся с сезоном охоты. А в силу возраста Антуану Леруа охота была куда как интереснее любовных утех.

Что ж зря год терять?

И Ганц принялся аккуратно прощупывать почву дальше.

Повосхищался, конечно. Расспросил, красивая ли госпожа? Получил ответ, что очень, а еще она принцесса...

Восхищению предела не было.

Настоящая принцесса! Вот бы посмотреть! Ну хоть одним глазочком!

Ганцу погрозили пальцем. Мол – перебеешься Не для быдла тут!

Ганц только вздохнул. А когда узнал, что на втором этаже

есть портрет, чуть на колени не встал. Неуж нельзя показать?

Он и сапоги снимет, чтобы грязь не натрясти! И никуда-никуда!

Но принцесса ж!

Никогда не видел! А вдруг и не увидит?

Лавери?

Так принцессы по улицам не ездят! И доступа к ним особо нет...

Умолял он так, что Тара смилостивилась. И покосилась на мужа.

– Кнуш, а может покажем?

Кнуш потянул паузу, погрозил жене пальцем, но портрет показать разрешил.

Ничего нового Ганц не увидел.

Анжелина ему нравилась намного больше Джолиэтт. Счастливая женщина всегда красивее той, что несчастна. У нее и улыбка, и глаза светятся, и голос звонче...

Внешность?

А вот это мужчины и вообще не всегда замечают, равно, как и одежду. Беспорядок подметят, а если все в порядке – то и не подумают ничего. Женщина – и женщина...

Но Ганц развосхищался так, словно перед ним невесть какая красота висела. И хвалил, хвалил, хвалил...

Пока Тара не выдержала.

Каждой женщине приятно, когда хвалят – ее. И Неприятно, когда рядом с ней хвалят другую. А красоту, за молодость, за... да какая разница за что!?

Неприятно!

Точка!

– У нас в деревне и покрасивее есть!

– Правда? Да быть такого не может!

– Вот, хотя бы Ликса!

Ганц тут же сделал стойку. И принялся выпрашивать про Ликсу – красавица? Правда? А вдруг познакомится... он же завтра в деревне будет!

– Она о том годе пропала, – покачала головой Тара. – Небошь, кто из господ и увез...

Пропала?

В том году?

Кажется, Ганц сюда приехал не зря!

Сильно про Ликсу он не расспрашивал, чтобы не вызвать подозрений. С чего это его деревенская девка заинтересовала?

Так, заметил, что господа – они на крестьянок падки...

Что увы, хорошим это не кончается, обычно покрутят, да и выкинут, что огрызок от яблока...

Тара кивала, соглашаясь. И еще раз вспомнила про Ликсу.

Так и так, девушка была неглупая, с господами хоть и кру-

тила, да только с ними. И на приданое себе копила. Серьезно так, вдумчиво...

Ее бы в деревне и замуж взяли. Не посмотрели, что траченная уже. Это дело такое, с бабы оно и не убудет. А коли баба хозяйственная, да серьезная, оно и мужу прибыль!

Так что Ликса каждый раз напрашивалась в служанки. И брали ее с охтой. Знали, что последствий не будет, что девушка она услужливая и расторопная... а вот около года назад, как отшептало.

Исчезла она.

И мать-то сюда прибежала, к Таре.

Ан нет!

Пропала девушка, как в воду канула!

Точно – уехала с кем!

С кем?

Да вроде как тут и средний сын был, и младший... средний точно уехал. Может, и с ним. А может, и нет, то не ее дело! И не твое, бродяга!

Ганц быстро перевел тему.

И снова принялся восхищаться принцессой.

И Тарой, конечно! Такой даме, небось, и угодить-то нелегко, и вообще...

Но в деревне он обязательно поговорить про Ликсу. Знать бы, с кем...

Аттиверна, Лавери.

– Эх ты! А еще отец!

Миранда трепала Нанука за уши.

Собак всем видом показывал, что он, конечно, отец. Но жить ему очень-очень хочется. А восемь щенят и супруга, у которой гормональный стресс...

У собак их не бывает?

Да еще как бывают, хуже, чем у людей! Хотя бы потому, что у людей кусаться не принято. А у собак – запросто. Вот Ляля и стрессовала.

А мелкие паршивцы пробовали на вкус все, что находилось в пределах досягаемости.

Зубки у них тоже были. И преостренькие.

Поэтому Нанук с радостью сопровождал Миранду во всех поездках. В частности – в салон Мариэль.

После похищения Лилиан Иртон, вся тяжесть работы легла на плечи Миранды. И девушка готова была взвыть.

Вот как!?

Как мама со всем этим справлялась?! Да еще что-то новое изобретала, и детям внимание уделяла, и...

КАК!?

У Миранды это в голове решительно не укладывалось. И времени не хватало. И... и КАК!?

Потом, когда мама вернется, она ее обязательно расспросит. А то видела девочка лишь парадную сторону. А оказалось...

Мири тщательно проверила бухгалтерию, потом вышла в

общий зал. Нанук следовал за ней, как пришитый.

Ничего интересного.

Две дамы у стойки, одна побогаче, вторая явно компаньонка, что-то купили. По виду – купчихи, с хорошим достатком, такие тоже могли прийти в салон, был и под них целый сегмент товаров. И недешевых.

Лиля не собиралась упускать ни единой монеты, ведь хочется – всем! И купчихи в этом отношении ничем не умнее дворянок.

Замороженные продавцы носят охапки вещей.

Одна из продавщиц упаковывает покупку. Обыденное зрелище.

Миранда прошлась вдоль манекенов, поправила на одном из них фероньерку, вернула на место сползший с плеча золотой шнур...

– ГРРРРР!

– Нанук!?

– Уберите собаку!!! Вы что себе позволяете!?

Миранда смотрела на всю картину широко раскрытыми глазами.

Две женщины не могли выйти из магазина. В дверях стоял Нанук. Ощерившись, вздыбив шерсть на затылке, и всем видом показывая, что враги – не пройдут.

Но...

Что с ним случилось!?

Мири сделала шаг вперед... она еще не знала, что скажет

или сделает, но он ведь сейчас кинется! И как быть тогда?!
Два трупа – плохая реклама для салона.

А послушается ли ее пес?

Он же мамин...

– Ваше сиятельство, кулона с янтарем нет! И наборного браслета тоже!

Та продавщица, которая носила вещи, выскочила в общий зал. Мири медленно подняла брови.

– Дамы, вас обыскать?!

Как-то все сразу же сложилось вместе.

И что вирманские собаки – самые умные.

И что Нанук вообще один из самых умных, умнее многих придворных...

И что никогда он себя так не вел.

И охапки вещей...

И мамины рассказы о том, как собаки умудрялись задерживать воров, разбойников...

– Да что вы... – заверещала та, которая была постарше и побогаче одета. Вторая спряталась за нее и испуганно поглядывала то на Миранду, то на Нанука. Интересно, кого она опасалась больше?

– Собаку спустить? – Мири не стала вступать в дискуссии. – Он сейчас кинется, а я его и удерживать не стану. Подумаешь, воровок загрызли! Да сюда вся столица хлынет, чтобы подробности узнать...

Воровки оказались некрепкого десятка.

– НА!!! ПОДАВИСЬ!!!

Браслет и кулон полетели под ноги Миранде.

– Грррррр! – еще раз сказал Нанук.

Туда же добавилось кольцо.

– Грррррр!

Несколько кружевных лоскутков – комплекты белья.

– Грррррр!

И фероньерка – от другого набора.

Только тогда Нанук соизволил отойти от двери, и дамочки рванулись на улицу. Правда, молча.

Размер зубов и их количество способствовали воспитанию в себе скромности и смирения перед обстоятельствами.

Продавщица спешно подбирала спасенные вещи.

– Ты ж моя умница! – от души высказалась Миранда. Потрепала Нанука за ушами и решила заехать – купить ему здоровущую сахарную кость.

А еще...

Вот ведь какая полезная собака.

А если в салон одного из щенков? Чтобы бдил? Ведь не первые же это воры! А даже если и первые – то не последние...

Миранда пообещала себе обязательно обдумать этот вопрос. А пока – награда для собаки. Заслужил – и еще как! Надо на рынок заехать...

Кость в клыках Нанука только хрупнула. Да, умная собака – сокровище. И недаром в Ханганате ценятся лошади, соба-

ки и сокола.

Женщины?

А вот женщины там не ценятся. Вообще...

Но если женщина сможет сберечь жизнь лошади? Собаки, сокола?

Выбора у Миранды не было в любом случае. Значит – надо учиться.

Ативерна, поместье Леруа

Вечер и утро прошли гладко. И Ганца проводили до деревни.

Не до самой, конечно, половину дороги, примерно. А там уж не собьешься.

Кнуш оценил его умения и приглашал заходить, как Ганц в этих краях окажется. И медяки честно отдал...

Ганц зашагал к деревне, пытаясь систематизировать полученные знания.

Интересно, когда герцог поссорился со средним сыном?

В медовый месяц.

Вот здесь, в домике. И тот уехал... взяв с собой крестьянку?

Ой, что-то Ганц в этом сомневался. Не до крестьянок тут! Когда с отцом поссорился, когда мачеха... да Майкел на нее и не взглянул бы! Экая невидаль!

Крестьянка!

Пфф!

Но куда-то же она делась?

Надо, надо поговорить в деревне, вот только с кем...

Деревня встретила Ганца шумом и гамом. Веселым и привычным.

Мужчина любил работать «в поле», любил притворяться другим человеком... даже притворством и игрой это назвать было нельзя. Игра – это сцена, зрители, актеры. А Ганц не играл.

Он попросту жил другой жизнью!

И это было – чудесно! Как алмаз в руках – повертеть его, рассмотреть одну грань, вторую, третью...

Разве плохо? Жизнь поражала его своим многообразием, мужчина смотрел на нее с изумлением, старался участвовать, и каждый раз восхищался. Многоцветием, красочностью, сочностью нового вкуса – он смаковал новые жизни, словно экзотические фрукты.

Отними у Тримейна его работу – и мужчине станет грустно и плохо. Он лишится не просто своего дела – большей части себя. Своей жизни, личности, судьбы... как же это чудесно – жить!

Под звон колокольчика он выехал на деревенскую площадь, удобно устроился у позорного столба, а там к нему и первые посетители потекли...

Трудился Ганц ударно, вплоть до заката. И ужином его ре-

шили угостить в доме старосты.

Позвали, честь честью, накормили, расспросили о новостях и уложили спать. Правда, на сеновале, но в дом Ганц и сам бы не пошел.

Иногда сеновал – лучше.

Особенно если тебе кто-то да составит компанию...

Измена жене?

Ошибаетесь, господа. Первое – это не измена, он на задании. Если точильщик откажется от дармового женского тела, это будет не просто подозрительно, это шок будет. Мигом спалит всю легенду!

И второе.

Чего жена никогда не узнает, то ей и не повредит! Никто ведь не расскажет!

С тем Ганц и принялся мять сеновал с симпатичной пухленькой молодухой. Видел он ее днем, и мужа ее видел – как есть, обмылок! Грех тут бабьему горю не помочь, а то ведь так и увянет, без пользы и радости!

Вот! Считай, не измена супруге, а акт милосердия! По отношению к другой женщине, но ведь понять надо! Его-то супруге и так повезло!

С этими мыслями Ганц и приступил к важному делу – добыванию информации.

Кто сказал, что от мужчин надо получать информацию в постели?

Женщины? Ага... им виднее!

Но обычно мужчин после этого самого тянет или поесть, или поспать. Но уж всяко не на разговоры. Есть исключения, но их мало!

А вот у женщин словно заслонка в одном месте открывается! И говорят, и говорят, и говорят...

Вот и Шура, так звали молодуху, языком молола, что помелом махала! И говорила, говорила, говорила...

Ганц, скрипя зубами, прослушал все деревенские сплетни, и наконец...

О, это чувство ныряльщика, который выловил здоровую жемчужину!

– Ликса вообще уехала! Небось, богатенького себе нашла...

Ганц наострил уши. И быстренько выяснил, что Ликса сама не из богатенькой семьи. А так... очень средней. Вроде как и вкалывают там родители, а поди, десять ртов прокорми! Раньше Ликса за всеми ходила, небось, и в прислуги-то подалась, чтобы от мелких отдохнуть, теперь, вот, сестра ее... Марька...

Ганц запомнил имя, и перевел разговор. А потом и вовсе делом занялся. Ни к чему оставлять такую память у дамы. Пусть лучше какие столичные ухватки выучит...

Марька побледнела.

Покраснела.

И – вцепилась в Ганца – не оторвать.

– Что с ней!? Ты знаешь!?

– Хочу узнать, – не стал скрывать мужчина. – Сможешь вечером куда подойти? Сама скажи, где поговорить можно спокойно, а ты бояться не будешь.

Девушка задумалась, покусала губы.

– Ты в сарае у старосты ночуешь?

– Да. Но через день-два мне уходить надо.

– Я ночью приду.

– Я...

– Я подожду, пока Шурка уйдет, – хмыкнула девушка. И убежала.

Ганц только головой покачал.

Деревня!

Все, всё, обо всех знают.

Де-ре-вня!

Правильно он сам сюда отправился. Специфика работы, знаете ли... кто другой мог и внимания не обратить. А у Ганца чутье колоколом било, кричало в голос, что важно, важно, ВАЖНО!!!

Займись, не упусти, не прохлопай ушами!!!

И он собирался следовать своему нюху.

Прошел вечер.

Наступила ночь с ее жарким шепотом и стонами.

Полночь...

Шурка засобиралась к мужу. Ганц подсунул ей несколько медяков. Наверняка, ведь муж обо всем знает. Но... разные причины бывают.

И не справляются с горячими бабами, и детей иметь не могут, и...

Со своими, деревенскими, оно и стыдно, и обидно. А тут чужак, наволочь пришлая, ушел – и поминай, как звали. И не вернется, и не увидят его. Да и вернется – кто он тут такой?

Против деревни да общины?!

Пыль придорожная!

Все забудется, а деньги в хозяйстве лишними не окажутся. Ребенок? О детях Ганц не думал. Но полагал, если женщина кидается в постель к мужчине, от которого точно не дождется предложения, она знает, что делает? Пусть сама с детьми и разбирается.

Ганц даже подремать успел, когда его невежливо толкнули в бок.

Марька (надо полагать, Мария), сидела рядом с ним, и лицо у нее было серьезное.

– Ты что о Ликсе болтал, пришлый?

Ганц потер лицо руками, приходя в себя.

– Не болтал я. Знаю, что вроде как год тому она пропала...

– Да.

– И что увез ее кто из богатеньких...

Марька покачала головой.

– Нет.

– Почему?

– А кто ты таков, чтобы я тебе это рассказывала? – даже в темноте было видно, как прищурилась девушка, как горят огоньками ее глаза. Хищные, светлые...

Сознаваться Ганц, конечно, не стал.

– Наняли меня. У моего хозяина в этих местах дочь пропала. Поехала через лес, и нет ни ее, ни слуги, ни кареты... может, у вас тут кто разбойничает?

Марька качнула головой.

– Ты что? Земли герцога ж!

– И чего? Заговоренный он?

– Не! Тут другое! Ежели герцог узнает, что на его земле разбойничают... он сам на охоту выйдет...

Ганц хмыкнул.

Да, такое тоже бывало. И за это строго не наказывали.

Твоя земля?

Вот и поддерживай порядок! Разбойники?

Твои разбойники, ты с ними и разбирайся! И побыстрее! А то ведь король огневается! И простым штрафом в пользу потерпевших с Короны можно не отделаться. Тут и часть земель в казну отобрать могут, чтобы ты за остатком лучше надзирал! Так что дворяне старались не доводить дело до жалоб.

Разбойники? Сами напросились.

Это было просто и понятно. Но...

– И твоя сестра пропала. Может, она все же с кем уехала?

– Не! Они с Решеком сговаривались уже свадьбу играть.

Понимаешь? Ликса верная была, вообще...

Ганц едва заметно хмыкнул. Но Марьке хватило.

– Чего! Думаешь, раз с благородными, то и б...?! А что тут делать прикажешь?! Ликса все для нас делала! Мать с отцом бьются день деньской, а она один раз в услужение сходила, ей столько отсыпали... она корову купила, козочек! Мать плакала, а отец в морду дал первому, кто о ней плохое сказал – и приговорил. Убью, мол! Ради семьи она на это пошла, не смогла смотреть, как мы зимой с голоду пухнем...

Ганц кивнул.

Такое он понимал, это не плоть потешить, не от распутства. А если кто скажет – не плодиться...

Легко ли?

Как понял Ганц, первый год, все, что получила Ликса, она потратила на семью. Крышу перекрыла, скотину купила, родителям помогла. И в деревне ее за то простили. Все и разом. Конечно, бывало, кто из сплетниц шипел в углу, но бабы быстро прикусывали змеиные языки. Потому как для семьи...

Завидно, что ли?

Вы бы и хотели, да кто ж вам за это дело заплатит?

Молчите, заразы, не позорьте девку, не от блудливого же-

лания она согласилась. Чтобы семья ее в достатке жила. Заслуживает уважения.

Год Ликса щедро тратила все полученное. А вот на второй год задумалась. Или кто добрый совет дал... действительно, добрый.

Долго она спросом пользоваться не будет. Да и девке-то с господами можно, а вот замужней бабе не нужно бы! Лучше уж сколотить какой капитал на обзаведение для семьи, а потом и бросить это дело. Своя семья, вроде как, не голодает, а дармовые деньги счастья не приносят. Тут важно вовремя остановиться. И беды себе на голову не накликают.

Господа – они тоже разные бывают!

Так Ликса и поступила.

Давала деньги родителям, но и себе откладывала. И мужа среди парней приглядывала – понимающего, который не упрекнет. Не красавца, не боевого петуха, а доброго и понимающего. Жизнь заставила в людях разбираться.

Реш был именно из таких. Не то, чтобы ему все было по нраву, но мужчина понимал – не от хорошей жизни девушка по рукам пошла, хоть и по благородным.

Сам он тоже жил небогато, третий сын, что там ему достанется?

Две курицы, три тряпки?

А тут и хозяйство будет, и жена... поди, плохо? Так и сговорились. Реш Ликсу в обиду не давал, говорил, что любого прибьет за дурные слова, так и вышло. Пару челюстей сло-

мал, на остальные как засов приколотили. Замолчали...

А тут Ликса пропала.

Отправилась, как и обычно, господам прислуживать, обещала домой прибежать, и – пропала!

Когда?

Да кто ж знает... обещала через десять дней домой, служанок так отпускают. Раз в десять дней, на день...

И жалованье им так же платят, вот, они его домой и относят. Ликсу ждали, а она и не пришла.

Где?

Как?

Нет, не понять...

Марька побежала к замку (охотничьему домику) да только ни с чем вернулась. Спасибо – собак не спустили.

Нет там Ликсы! И проваливай отсюда, деревенщина!

Марька тогда малАя была, но в этот год она обязательно в замок ходит. Найдется в прислуги, о сестре поговорит...

– Она точно не могла уехать? – уточнил Ганц.

– Она и деньги оставила. Какие копила...

Это уже было серьезнее. Но...

– Десяток медяков? Или побольше там?

Ганц пристально вглядывался в Марькино лицо. И ответ получил.

Дрогнули губы, блеснули глаза... так! Похоже, там тугая кубышка! Оно и понятно, господа бывают щедрыми, особенно к сговорчивым и очаровательным девушкам.

– Ликса на тебя была похожа?

– У меня волосы темнее. А у нее чистое золото, коса до пояса! И глаза больше...

Ганц внимательно слушал.

Потом кое-что уточнил, дополнил...

Ох, не нравилось ему то, что получалось. Решительно не нравилось.

– Марька, у меня к тебе вопрос есть.

– Какой?

– Ты леса хорошо знаешь?

– Ну... не то, чтобы...

– А кто хорошо знает? Кто браконьерил?

– Ты что, пришлец! Ополоумел? Такое спрашивать?

Ганц нахмурился.

– Да мне оно бы и не нужно! А ты подумай о другом! Местность здесь не болотистая, верно?

– На десять дней пути – леса. Ни болот... разве что озера есть. Но это далеко...

– А где можно поблизости труп спрятать? Так, чтобы и дотащить легко, и не ходили туда? Ежели ты знатный господин, а не браконьер. Лесным людям, понятное дело, елку от елки знать надо, запрячут – не разыщешь. А господа – не то. Они по верхам глядят, могут и не догадаться... а вот поискать бы нам такое место?

К чести Марьки, поняла она мгновенно. Хоть Ганц и изъяснялся достаточно путано, согласно своей роли.

– Ты думаешь, что Ликсу убили, а тело спрятали? Да, пришлый?

– Если она о себе знать не дала, и денег не взяла, и пропала она... думаешь, смогла б она вас бросить? Ради семьи ведь начала с господами хороводы водить, не от хорошей жизни. И семью покинуть? Да если б увез ее кто, нашла б случай весточку о себе передать! Хоть словечко. А если год уж ничего нет... точно – ничего?

Марька вздохнула так, что сразу все стало понятно.

Ничего.

– Значит, могли убить. И ту девушку, которую я ищу – тоже.

– Я... я поговорю.

– Я понимаю, меня не поведут...

– А вот это ты зря. Я могу сказать, что у тебя брат в этих краях пропал, ты его ищешь.

Ганц закивал. Звездный свет проникал в щели, Марька видела его жесты, так, что слова и не требовались.

Конечно, скажи, родная! Я подтвержу...

– Ежели заплатить надо – я деньги дам.

– А не боишься? – прищурилась девушка. – Что заведем, да и закопаем? По башке дать, деньги забрать – кто тебя тут найдет?

Ганц качнул головой.

– Ты не дура. Со мной что недоброе сделаешь – ничего о сестре не узнаешь. И будет тебя это всю жизнь поедом есть.

Не боюсь.

Марька прикусила губу. Задумалась.

– Я приду завтра. В это же время.

И только дверь качнулась. Но не скрипнула – хороший хозяин петли бережет и смазывает. Очень удобно для тех, кому нужна тишина.

Глава 2

Авестер, Берма.

– Ваши мышки, господин.

Лиля с улыбкой выставила на стол здоровущий поднос.

Кот утащил печенье и улыбнулся.

– Хороша ты, Алия! И готовишь вкусно...

Лиля кивнула. Она была с этим полностью согласна.

– Скоро уезжать-то собираешься?

– Как весна придет, сезон начнется, так и соберусь, – кивнула Лиля. Тайны из своих намерений она не делала.

Был уже поздний вечер, в таверне было от силы два-три человека, и никакого интереса к беседующим они не проявляли...

– Присядешь со мной?

Лиля огляделась, поняла, что пока никому и ничего не требуется, – и махнула рукой. Опустилась напротив Кота. Не просто ж так ей предлагают поговорить?

– Слушаю?

– Алия, оставайся?

Лиля подняла брови.

– Зачем?

– А что не так? – ответно удивился мужчина. – Что тебя там ждет? Здесь у тебя свое дело, друзья...

– Дом, семья, родные и близкие?

– Кто тебе мешает это все завести здесь? – удивился Кот.

Лиля подняла брови.

– И как ты себе это представляешь?

– Хотя бы – так.

Мужчина осторожно взял в свои руки ладонь Лилиан, повернул ее линиями жизни кверху, поднес к губам и поцеловал. В самую середину ладошки.

Лиля прикусила губу.

Вот оно что?

В романтические кошачьи намерения она не поверила, понятно. Просто она выгодна. Кот и решил попробовать... помурлыкать. Порода такая. И природа.

Зачем ему?

Так сказано же! Выгода!

А вот как отказать...

Миры могут быть разные, и времена, и нравы, а мужчины всегда плохо воспринимают слово: «нет». Но именно его Лиля и произнесла, отнимая ладонь.

– Нет.

– Почему?

Лиля задумалась, что можно сказать, что нельзя... и решила быть откровенной. Разве что имен и титулов не называть.

– Потому что меня там ждут.

– Это так... серьезно?

Лиля кивнула.

– Это более, чем серьезно. Там у меня муж, дочь и сын, отец и мать, люди, которые стали мне братьями и сестрами. Здесь... рано или поздно меня найдет мой враг.

– Врага и укоротить можно.

– Хороший ты, – Лиля коснулась Кошачьей ладони. – Только есть те, кого на голову просто так не укоротишь. Из благородных и титулованных.

– Как ты?

– Выше меня.

Кот сощурился, но спорить не стал. И спрашивать про имя – тоже.

Ни к чему. Незачем ему такое... одно дело – с хорошенькой женщиной закрутить. С трактирщицей, которая может, и из благородных, но в тот мир вернуться не захочет.

Другое – когда ты все ее проблемы решать станешь, а она все равно рядом не останется. И ждут ее там... где?

А это как раз лучше не знать. Только уточнить.

– Ты уверена, что тебя дождутся – там?

– Да.

– Жизнь, она ведь всякой стороной поворачивается. И му-

жья других себе находят, и дети вырастают, и родители умирают...

Лиля кивнула.

Она об этом думала, и не раз. Но...

– Я своим – верю. Я тебе так скажу – если меня здесь попробуют оставить, я жить не стану.

Лиля практически не врала. Она не покончит жизнь самоубийством. Но зачем такая жизнь?

Это, скорее, существование... убогое и гадкое.

Нет свободы?

И ничего не нужно!

– Я мог бы удержать тебя силой.

– И взять силой – тоже, – согласилась Лиля. – Но нужно ли это тебе?

Теперь настало время Кота задуматься. И помогло то, что Лиля была спокойна и равнодушна. Если бы она ругалась, дралась, спорила...

Она была спокойна.

– Мне нужна ты. Но по доброй воле.

– По доброй воле я дала клятву другому человеку. И разбрасываться ей не стану.

Кот вздохнул.

– Все же благородная кровь сказывается...

– Вот и не надо тебе в эту грязь лезть. Ни к чему.

– Я бы полез. Если бы видел, что тебе нужен.

Лиля качнула головой. Здесь и сейчас она была искрен-

ней. Не стала бы она графиней Иртон, не замкнула бы на себя судьбы многих людей...

Оказалась бы она сразу в Авестере, встретилась с Котом – так и смурлыкалось бы. Есть в нем нечто такое... мужское. Надежное.

Даже промысел его – высоко в теневом мире не поднимешься, не имея ни ума, ни сил, ни везения. Могло бы у них и срастись. Тогда.

А вот сейчас уже непоправимо поздно. Можно смотреться в чужое зеркало, но отражаться там все равно будет твое лицо. Не чужое.

Лицо ее сиятельства, Лилиан Элизабетты Мариэлы Иртон. Графини Иртон.

– Не надо. Пожалуйста.

Кот кивнул.

А потом поднялся из-за стола.

– Извини. Дел еще много...

Мужчина уходил. Не навсегда, для этого он был слишком расчетлив. Он еще вернется, просто не заведет больше речи о чувствах. Не предложит перекинуть мостик через пропасть, не посмотрит проникновенно в глаза, не улыбнется... Да и ни к чему.

Лиля отчетливо поняла, что в Авестере оставаться нельзя. Еще немного – и она с кровью и болью будет вырывать этих людей из сердца. Она их даже увидеть больше никогда не сможет... какое страшное слово – никогда. И уже больно.

Домой.

Надо торопиться домой.

Аттиверна.

Сутки все тянулись, и тянулись, и надо было работать, улыбаться, перешучиваться с парнями и девушками, рассказывать новости...

И только когда Шура ушла, Ганц позволил себе ненадолго сбросить маску, тихо выругался сквозь зубы.

Ждать – хуже кары нет.

А дождется ли? Кто знает...

Так что мужчина лежал и бездумно смотрел на звезды, видимые в чердачном окне. Спать не хотелось.

И когда звезды заслонила темная фигура, он не шевельнулся. Марька уселась рядом, вытянула ноги.

– Я поговорила со старым Варошем. Он когда-то хорошим охотником был...

Замолчала, покосилась на Ганца. Мужчина даже плечами не пожал.

Был и был, понятно же, что браконьерничал, только не попался. Вслух в таком не признаются, но все всё понимают, не дети.

– И что он сказал?

– Рядом с замком есть два места, где можно тело спрятать. Гиблое озеро и Черный овраг. Дальше можно тоже утащить, но это – дольше. А туда – быстро, да и люди туда не ходят.

Даже браконьеры этих мест избегают, все одно там ничего хорошего нет.

– А сходить туда никак нельзя?

– Можно. Варош сказал, что и собаку возьмет, и с тобой сходит, но заплатить придется.

– Сколько?

– Две серебрушки.

Ганц фыркнул.

– Одну – и ту много.

Торговаться девушка не стала.

– Одну. И он идет с тобой.

Ганц кивнул.

– Когда?

– Да хоть бы и завтра с утра. Сможешь свою тележку у старосты оставить?

– Смогу.

– Отсюда пойдете, отсюда и вернетесь, может, и сутки не проходите.

Ганц опять кивнул.

Он был согласен.

Если кому-то кажется, что убить человека просто... да, это достаточно просто. Иногда и совершенно случайно убивают, и не хотят, а так получается. И плачут потом, и каются...

А вот спрятать труп – простите!

Спрятать труп сложно и муторно.

Начнем с того, что тело бывает тяжелым. Ворочать его неудобно, а пока идет окоченение, так и вовсе тяжело... мертвец по весу кажется втрое тяжелее живого человека. Не говоря уж о всяких пакостях, вроде телесных жидкостей, которые будут пачкать – все.

Тело надо дотащить.

Тело надо пристроить так, чтобы оно никому на глаза не попало. Если его закапывать – уверяю вас, это не в лесу. Там водятся звери, которые не откажутся полакомиться тухлятинкой и разрыть могилу. Запросто.

А если его бросить просто так – его мгновенно найдут.

Это только кажется, что лес – безлюдное место!

На самом деле – тот еще проходной двор. Ягодники, грибки, браконьеры, егеря, охотники, сборщики хвороста, лесорубы, угольщики... это далеко не полный перечень тех, кто обязательно окажется в лесу. А есть еще и те, кто может оказаться. Если судьба сыграет краплеными картами и человеку не повезет. А убийцам почему-то часто не везет. В лес может принести кого угодно – от случайных прохожих, до тех, кто скрывается целенаправленно. К примеру, разбойников, беглых крестьян, наемников...

Кого только по лесам не носит!

Есть и другие леса, как в Авестере. Там можно идти несколько недель и никого не встретить. Но у нас – Ативер-

на, и лес этот не так уж, чтобы велик...

А еще мы имеем дело с благородными.

Вот считайте!

Убийство – то есть имеется тело, которое не надо бы никому показывать.

Мало времени.

И отсутствие навыков! Вот ведь в чем дело – отсутствие навыков!

Разделить тело на части и вытащить по кускам? Это работа для мясника, не для дворянина. А еще ее надо делать с умом и навыком, или уделаешься так, что не отмоешься. Сам-то ладно, но комнаты?

Паркет, обивка...

Не было? Не меняли их?

Значит, не разделявали труп. Целиком тащили, а это тяжело.

В лесу?

Тоже... поди еще, найди место. И зверье... нет, не выход.

Утопить?

Как вариант. Вспороть живот, проколоть мочевого пузырь, привязать груз... это можно. Это бывает. Озеро – перспективное место. Нырять холодно, ну да ладно! Озеро оставим напоследок.

И овраг.

Ганц не терял времени, расспрашивая спутника о том, почему овраг Черный, а озеро – Гиблое. Варош, оказавший-

ся отцом жениха пропавшей девушки, отвечал не то, чтобы охотно. Сначала запырался, дичился, отделявался коротенькими «да» и «нет», мычал нечто невыразительное. А потом разговорился.

Почему озеро – гиблое?

Так там ни одна рыбина не живет, ни одна живность. И вода там гадкая, невкусная... озеро прозрачное, чистое, но туда никто не ходит. Ни купаться – гадости нахлебаешься, ни рыбачить, ни...

Ганц понял, что их интересует не озеро. Скорее всего.

Глубокое оно?

Нет, не особенно. Чистое, вода аж голубоватая, но глубина небольшая. Есть провалы, конечно...

Овраг?

Гадкое место, гиблое. Глинистая почва, в дождь пластами оседает, завалит – крикнуть не успеешь! Уж сколько раз случилось... не на его веку, но случилось. В такое время туда лучше не ходить, но они осторожно. И им не рыть, не рвать ничего, пройтись – и уйти, правильно он понял?

Правильно.

Потому там и зверье не живет, и не растет ничего толкового. Опасно, конечно. Если что – оно впереди собаку пустят. Волчок... да, потому такое и имя. Так делают.

Когда сука течная, ее могут отпустить в лес. И ни разу не бывало, чтобы волки ее порвали. А кто уж там отец... может, и волк.

Серый Волчок глядел желтыми глазами. И уши у него, кстати, стояли торчком. Прижать их к голове, как делают собаки, он не мог, только хвост поджал. Он тоже не был в восторге от предстоящего. Но – человек приказал, и собаке оставалось лишь подчиниться.

С оврага и начали, благо, тот был поближе...

Только увидев этот овраг, Ганц понял, за что его прозывают Черным. И похуже бы прозвать стоило! Может, летом он выглядел получше, когда здесь росла трава, зеленел папоротник, вносили свою лепту деревья...

Может быть.

А сейчас, на пороге зимы, почва, негусто присыпанная осенней листвой, казалась грязной и ржавой. Словно на нее кровь пролилась...

Торчащие пучки высохшей травы, беспомощно выломавшиеся из земли корни, цепляющиеся за склоны деревья, комья вывороченной глины, жирно поблескивающие на изломах...

Где-то на дне журчало – кажется, там бежал ручеек. Но Ганцу даже видеть его не хотелось.

– Смотри...

Варош с силой топнул по краю обрыва. И тут же отступил на шаг назад.

Секунд пятнадцать ничего не происходило. А потом тол-

стый пласт глины попросту сполз вниз.

Ганц невольно поежился.

– Так завалит – и концов не найдешь...

– Оно верно. Только если тут тело прятали...

– Да?

– Абы где не спустишься. И не поднимешься... опять же, не на себе тащить тело надо, это лошадь, а она по бурелому не пройдет...

Варош объяснял. Ганц внимательно слушал. Выходило так, что удобных мест всего четыре. А их проверить намного легче.

Но какое ж жуткое место!

Даже городские трущобы были приятнее! Там все понятно, край – тебя попросту прирежут, да и в канаву скинут. А тут словно стоит кто за плечом, и шепчет, и смотрит, и касается шеи холодными пальцами... бррррр!

Ганц поежился и пошел за своим провожатым.

Им повезло с третьим местом.

Не то, чтобы повезло целенаправленно, обыскать они его не успели, осмотреть тоже, просто завыл Волчок. Глухо, утробно, как волки воют...

Варош посмотрел на собаку, ругнулся – и принялся доставать веревку, лопату...

– Ты, господин, постоишь здесь.

– А...

– А я спущусь к собаке, посмотрю, что там у него. Если завалит, постарайся меня вытащить.

– Вытащу, – твердо пообещал Ганц. – Но лучше сам спущусь.

– Ты не сможешь. Сноровки у тебя нужной нет.

Ганц пожал плечами.

– Ты эти места лучше знаешь, верно. Так и помочь лучше сможешь. А сноровка... вроде как не слепой, не дурной, на рожон переть не буду.

Варош задумался. А потом протянул Ганцу веревку.

– Вокруг пояса обвязывайся. Если что – не брошу. Слово даю.

Ганц поверил.

Сказано было увесисто, куда там иным благородным. Этот – не бросит.

Как Ганц спускался – лучше не думать. Этот кошмар ему еще долго будет по ночам сниться. И просыпаться Ганц будет с криком ужаса. Страшно...

В разных переделках он бывал, жизнью рисковал, но было в этом овраге нечто такое... подсердечное, подсознательно жуткое, отвращающее... бррр! Он словно липкими щупальцами проникал под одежду, промораживал, выпивал силы, затягивал, заставлял остаться...

Перебьется!!!

Пару раз Ганц повисал на веревке, однажды его чуть не

завалило... до самого дна спускаться не потребовалось. До половины пути.

А там...

Выворотень.

Так в деревнях называется, когда дерево во время урагана с корнем вывернуло. Яма образовалась...

Вот там и выл Волчок. Сидел, поскуливал, далеко не отходил...

Ганцу и лезть далеко не потребовалось. Только чуть копнуть – и увидеть прядь волос. Сейчас грязную, страшную, а когда-то наверняка светлую. И ленту.

Выцветшую, но все еще остающуюся в волосах, тоже чудовищно грязных....

Он нашел Ликсу.

Оставалось разобраться, что теперь делать с этой находкой.

В охотничий домик Леруа по понятным причинам сообщать не стали.

Варош и Ганц шли по лесу, придавленные зловещей находкой. Но охотник не утерпел первым. Понятно, ему здесь жить, его это в первую очередь касается.

– Что теперь-то будет? А, господин?

– Ничего хорошего, – предрек Ганц. – Тело надо извлечь, разобраться, от чего она умерла... ну и с Леруа разговари-

вать.

– Так и будут они откровенничать...

– С нами не будут, с другими поговорят. На любого управа найдется.

Варош покосился недоверчиво, но промолчал. Заговорил он минут через двадцать.

– Ликса хорошей девушкой была. Хоть и случилось у нее... случилось. А все одно – правильная она была девка. Марька тоже... если сын посватается – слова не скажу.

Ганц промолчал.

А что тут скажешь? Да, хорошая? Пусть сватается? Это при том, что он девушек первый раз в жизни видел, а одну вообще – трупом?

Варош тяжело вздохнул, погладил Волчка, который чувствовал состояние хозяина и лез под руку, утешал, ластился, что тот щенок.

– Надо бы Ликсу похоронить, как положено. Молитвы прочитать...

Ганц понял и кивнул.

– Обещаю. И достанем, и в деревню привезем, все будет сделано честь по чести.

Дайте только до города добраться.

Ганц Тримейн слов на ветер не бросал.

Шесть дней.

Именно столько понадобилось Ганцу, чтобы добраться до Шерваля, и организовать людей.

Приехать обратно, выкопать тело, привезти в деревню... да, и обследовать тоже.

Трупы, которые пролежали год, выглядят отвратительно. Ганца это не остановило бы, но причина смерти и так была ясна.

Нож остался в теле девушки. Небольшой, всажённый по самую рукоять... таким клинком убить трудно, но если очень постараться...

Сила удара была такова, что клинок сломал ребро, вошел в тело, да там и остался. Видимо, потому и вытаскивать не стали.

Или не смогли... даже сейчас его едва вытащили, а уж тогда-то...

Или возиться было некогда... да и кровь могла хлынуть, уделаешься – не ототрешь. А потом и времени не было.

Такое могло быть.

Ткань, в которую была завернута девушка, истлела, но опознать ковер еще можно было.

Хороший, дорогой, из Ханганата...

Что же такого произошло примерно год назад в охотничьем домике?

На этот вопрос Ганцу еще предстояло найти ответы.

Берма, Авестер.

Лиля в очередной раз прокляла средневековую гигиену.
Чертовы пеленки!

Она и не представляла, сколько хлопот снимали с нее слуги. Да несчетное число!

И подкормить ребенка было кому, и поменять, и перепеленать, и постирать, и посушить, и погладить...

А здесь все на нее.

И – да!

Работу это не отменяет!

Декрет?

Нет, не слышали.

После этого феминистки еще за права борются? Да любая средневековая женщина, получи она хоть десятую долю их прав, на сотом небе от счастья была бы!

Отпуск по уходу за ребенком?

Стиральная машинка?

Памперсы!?

Лиля помнила, как их возили куда-то в дом писателя... писатель был матерущим и знаменитым, его знали во всем мире... так вот!

Сейчас Лиля не глядя снесла бы все памятники писателям, поэтам и политикам!

И поставила памятники тем, кто придумал стиральные машины. Памперсы. Элементарный молокоотсос!!!

Ей-ей, на такие памятники все женское население планеты скинулось бы, не задумалось! Те, кто хоть раз вытряхивал

ребенка из какашек и отстирывал их ручками...

А недосып?

А...

К концу второй недели она напоминала зомби. Весьма дохлого и замученного особо мерзким способом. Как ни странно, ее проблему решил Кот.

Пришел в трактир, заказал своих любимых мышей – да, мышки пришлись ему по вкусу. А когда Лиля поколдовала и сообразила, как делать сгущенку, так и вообще...

Сгущенное молоко- рецепт не столько сложный, сколько длительный и муторный. А вареная сгущенка тем более. Там и надо-то молоко, сахар, лимонный сок и соду. А все это найти можно хоть в средние века, хоть у неандертальцев.

Ладно, с содой было бы сложновато в мезозое, но сейчас – вполне.

Так что сотрудничество как с криминальным миром, так и с его противоположностью – стражниками – крепло день ото дня.

Стражники столовались в трактире. Мало того, глядя на них начала приходить стража и из других кварталов. Марион только радовалась.

Беспорядки?

Смеяться изволите?

Когда в зале постоянно два-три стражника, тут и на вышибалу тратиться не нужно. Дураков нет. Так, пара за все время нашлась, и быстро рассосалась в пространстве. Сапогом

пониже спины али дубинкой по хребтине – оно доходчиво!

А что до криминала...

Лиля по-честному попробовала обучать ребят, которых прислал Кот.

Двоих отбраковала сразу – негожи. Врач – не просто профессия,, это особый склад ума. Если у человека его нет... ну не создан кто-то лекарем! А кто-то физиком не создан, так что ж теперь?

Еще одного выкинула за воровство. Когда ты от нужды на улице у людей кошельки срезаешь – одно. А когда у своих крысятничаешь... даже если не у своих, но у тех, кто тебе дает шанс из помойки вылезти... тьфу, дурак! Таким больных не доверишь.

А ну, пошел!

И сапогом под копчик!

Троих кое-как обучила.

Худо ли, бедно, ребята оказывали первую помощь, могли сложить кость, наложить лубки, зашить рваную рану, промыть желудок...

На уровне сельского фельдшера века так девятнадцатого. Но для Бермы и это было почти революцией. Тем более, что Ловкач выжил.

Полностью ему руки сохранить не удалось, два пальца потеряли чувствительность, но даже так – лучше, чем никак! Намного лучше!

Уже не калека, не обуза, уже прекрасно удержит ложку, а

то и обучать молодняк будет...

Для этого опыт нужен, а неидеальная подвижность пальцев.

Ловкач был благодарен. Кот, который испытывал к старому вору какую-то привязанность, или должен был, или... Лиля не вдавалась в подробности, но понимала, что мужчины ей благодарны.

И – не злоупотребляла.

Кот приходил в трактир, ел и пил за счет заведения. Тоже – не злоупотребляя.

Иногда подкидывал Лиле клиентов. Один раз Лиля и работать не взялась – с распоротым животом... нет, не поможет. Да кто тут поможет при таком раскладе? Тут операционная нужна, капельница и антибиотики. Молитва? Хорошо, но только за упокой.

Еще один пациент сгорел от заражения крови.

Шестеро, включая и Ловкача, выжили. Ловкач даже и руку сохранил... правда, на двух пальцах чувствительность потерялась, по старой специальности он работать не сможет. Консультировать будет. Тоже дело нужное и важное.

Кот оценил.

Сильно Лилю не загружал, все ж беременная баба. Но и о себе напоминать не забывал.

Марион косилась на него с опасением, а потом чуточку успокоилась. Прево Ларус очень поспособствовал.

Лиля только посмеивалась.

Вот потому сказки Киплинга и переживут века, что на водопой ходят и тигры – и олени. И это зона мира! А если такой зоной стал их трактир – тем лучше для трактира.

– Ты совсем зеленая, – припечатал Кот, глядя в лицо Лириан.

Учитывая, что здесь это был цвет траура...

– Спасибо, – кисло откликнулась ее сиятельность.

– Ребенок?

– А кто ж еще?

– Моих гоняй...

– Им не с детьми нужно уметь возиться, им другое необходимо. Сам понимаешь, когда рассказать надо много, а времени мало, выберешь то, что точно пригодится.

Кот понимал.

Вот, к примеру, рваные раны от кнута.

У парня клочка кожи целой на спине не осталось... точно бы помер! А эта зеленоглазая его вытащила. Чудом, конечно...

Полные сутки сидели, ее чуть что будили...

Справилась.

И с рваной раной, и с открытым переломом, и...

– Если я тебе служанку подарю?

Лиля даже головой помотала.

– Подаришь? Ты о чем?

– Это – Берма, Алия.

– Понятно, что не Лавери или Арвест. И что?

– Рабский рынок. Слышала?

Лиля поежилась.

Слышала. Но никогда с этим не сталкивалась.

Никогда...

В Ативерне работоторговля была запрещена. В Уэльстере – тоже. Гардвейг, не тем будь помянут, очень рабство не любил. Если там эта шваль и появлялась, то тайно.

А если ловили...

На кол – и никаких вопросов.

Жестоко?

А вы представьте, что это вас рабом сделали. Да к хозяину – садисту, который издеваться любит, мучить убивать... не хочется? Пропало желание в жалелки играть?

Вот и правильно. Ни к чему такое воображать, приснится еще.

А вот в Авестере, Эльване и Ханганате рабы были официально разрешены.

В Ханганате – легально, в Авестере и Эльване – полуофициально. Если человек задолжал, если не может расплатиться – в Ативерне и Уэльстере таких сажали в долговую яму. Давали отработать.

А в Авестере и Эльване такие люди становились «закладными». Они должны были отработать на человека, которому задолжали... сколько?

Пока не расплатятся.*

**– на Руси, когда еще христианство только набирало обороты, такое положение называлось – закуп. Прим. авт.*

Чисто теоретически, таких людей нельзя было передавать другим хозяевам, нельзя калечить, издеваться, разлучать семьи...

Практически?

Случалось всякое. А жаловаться – кому? Прево?

Беги... если будет на чем бегать. Если слушать будут. Если язык останется, чтобы говорить...

Лиля об этом знала. И...

Она бы всех работорговцев перевешала! За ноги, на площади!

Первые слова, которые дети читали в букваре: «Мы не рабы. Рабы – не мы!». И это было хорошо, и правильно... только вот Лиля понимала, что ее никто не будет слушать.

Плетью обуха не перешибешь.

Что она могла сделать?

Не допускать ничего подобного в своих поместьях. Давать людям работу, создавать новые рабочие места. Продавить закон, по которому с закупами нельзя жестоко обращаться...

Последнее – пока в мечтах. Но рано или поздно и до Ричарда дойдет...

Почему-то люди бывают удивительно слепы. Вот когда ИХ бьют, тут каждый соображает. А когда кого-то другого...

Бывает! Отвернуться, да и забыть. И не надо мне говорить о жестокости, это – равнодушие. То, что страшнее любовью злости. Простое равнодушие.

Смерть души.

– Зачем дарить? Я и нанять могу...

– Можешь. Но ты ведь уехать хочешь, верно?

Лиля напряглась.

Кто-то подслушал?

Не исключено. Узнает кто – голову оторвет! Без оглядки на гуманность и клятву Гиппократата!

– Хочу. Ты против?

– Не то, чтобы... баба ты хорошая, но сразу видно – не отсюда. Лучше свой кусок оторвать, да и спровадить, чем ждать, пока за тобой сапоги притопают.

Лиля хмыкнула.

Неглупо. Но...

– А убить? Не проще?

– Я думал об этом, – не стал прикрываться фиговым листочком гуманности Кот. – Но кто сказал, что потом меня не положат?

– Риск – благородное дело?

– Чтобы рисковать – знать надо. А я хоть и вижу, что ты не из простых, но – и только. Кто за тобой может прийти, не знаю. Лучше уж помочь, да и распрощаться миром.

Лиля медленно кивнула.

Никакого гуманизма, один эгоизм.

Кот не желает подставляться и подставлять своих людей.
И его можно понять.

Кто стоит за Лилей?

Он не знает, но и рисковать не будет.

– Даже если хочу – при чем тут служанка?

– А мы подберем подходящую, чтобы с тобой поехала. С мелким возилась... ты ж девку с собой не потащишь?

– Лари? Нет, не потащу.

– У нее с каба... с Патни вроде как сладилось. Или скоро сладится.

– Может, и успею на свадьбе погулять.

Кот кивнул. Тема свадьбы его интересовала мало.

– Зная тебя, доедешь – да и освободишь... нет?

– Да.

– И устроиться сможешь, верно?

– Верно.

Лиля врать не собиралась. Зачем? Не стоит оскорблять ни себя, ни собеседника. Что, кругом все дураки, а она одна умная?

Очень смешно...

– Так примешь подарочек?

Лиля фыркнула и покачала головой.

– Пока не узнаю, в чем тут твоя выгода – нет! Не приму, даже и не рассчитывай.

– Сразу так выгода? Хорошего ж ты обо мне мнения.

– Потому и хорошего, что тебя знаю. Если в деле твоего

интереса нет, ты его и делать не будешь. Где это видано, чтобы кот за хозяином тапочки носил?

Кот хохотнул, но вышло это как-то невесело.

– Сложно с вами, бабами...

Лиля молчала. Ждала.

– Ладно... Так получилось...

Получилось, ага.

Кому другому рассказывайте, не Лилиан Иртон. И не Але, которая жила в девяностые годы, и что такое передел сфер влияния, отлично знала!

Котяра положил глаз на кусок портовой территории. А у нее уже был свой хозяин, некто Осьминог.

Началась война.

Небольшая, локальная, но весьма и весьма кровопролитная. Впрочем, Осьминог своих врагов просто топил, так что кровь почти не проливалась – с его стороны. Зато Кот старался за двоих...

Почему Лиля была не в курсе?

Так раненых считай и не было! В таких войнах убивают, а не ранят. Правда, иногда убивают медленно и мучительно, долго и страшно, но все равно – живых не остается.

Борьба была сложной, но Кот все же победил. И получил территорию противника.

А еще – его права, обязанности, людей, рабов...

Лиля нахмурила брови, решительно заподозрив неладное. И не ошиблась.

Среди рабов оказалась одна девушка, от которой Кот счел бы за лучшее избавиться. Причины?

Масса!

Первая – девчонка явно из благородных.

Вторая – она беременна, на последних месяцах.

Третья – это не результат любви. Уж как над ней поиздевались – неизвестно, а только она даже говорить не пытается. Мычит и плачет. Язык-то цел, но...

Забили и запугали. Сломали и искалечили.

Избавиться?

Оно бы и несложно, нет человека – нет проблемы. Но Кот был осторожен до предела. И в драку не лез, если не был уверен, что порвет противника. И эту девчонку убивать не то, чтобы не хотелось... опасался он чего-то. Чутьем чуял – не просто так эта баба, ой, не просто. И не простоА тоже. Убьешь, так потом кабы отдача не замучила.

Слишком много народа про нее знало.

Что знал Осьминог? Неизвестно, и теперь уже его не допросишь. Но вроде как девку ему кто-то из знакомых капитанов привез. А уж что сказал, чего хотел...

Не узнать. Разве что со временем, когда Кот укрепится, все под себя подомнет, но это еще когда будет! А проблему надо решать именно сейчас. Кот и решил – слить две проблемы в одну – и избавиться чохом от обеих. Очень по-кошачьи получилось, зачем самому бегать, если кто-то другой есть? Лиля только головой покачала.

– Ну и зачем мне сумасшедшая?

– Она нормальная.

– Ты же сам сказал – мычит и стонет...

– Так понимать-то она все понимает! И исполняет, что сказали. Научишь...

Лиля поморщилась.

Вот не хотелось ей связываться.

Не хотелось!

Но и отказать!?

Гуманность? Человеколюбие? Угрызения совести?

Да пойдите вы... погулять! Просто родители никогда бы не простили Але, что она даже не попыталась помочь. Никогда.

– Ладно. Веди свою девицу.

– Не пожалеешь, – ухмыльнулся Кот.

– Уже жалею.

Мужчина совершенно по-кошачьи фыркнул, доел последнюю печенку-мышку, и откланялся. Лиля выругалась – и отправилась к Марион, сообщать о прибавлении в трактире.

Против ожидания, Марион как раз к известию отнеслась совершенно спокойно. А что?

Еще рабочие руки прибавятся. Польза будет.

Алию освободят от части дел. Будет, кому посидеть с ребенком. А остальное... загадка там, разгадка, тайна, еще че-

го другое – какая ей разница?

Поживем, посмотрим, а там и разберем проблемы, с Альдонаевой помощью!

Решимость Марион поколебалась, когда она увидела «подарочек».

Нечто... состоящее из скелетика и живота. Иначе тут и не скажешь. Причем скелет был очень замороженный. Серые волосы, после отмывания оказавшиеся седыми, светло-голубые глаза на личике с кулачок.

Красивая девушка.... Была.

Сейчас красоты и в помине не было. А вот коллекция шрамов была потрясающая. Эксперт-криминалист бы от счастья плакал.

Лиля скрипела зубами, промывая раны и разбираясь со шрамами. Она опознала ожоги, плоть, ножевые порезы... дальше? Она просто не знала, чем так можно. Но явно это было больно. Очень больно и страшно, недаром девчонка никакущая. Хоть ты ее под асфальтоукладчик засунь, хоть под мужика – она и разницы не поймет. Сволочи!

Вот взять бы, да носом потыкать противников смертной казни. Да вот в это самое! Мигом бы свою гуманность потеряли!

Месяц беременности?

Восьмой – девятый. Точнее можно сказать после осмотра, но Лиля просто на него не решилась. Девчонка и так никакая, от дуновения ветра шарахается...

Девчонку она испугала лично. И постоянно разговаривала с ней. Рассказывала, что ее зовут Аля, рассказывала про трактир, про его обитателей, что самой девушке предстоит здесь жить, что обижать ее не будут, что она будет помогать по хозяйству – и только.

Потом поняла, что ее слова идут «белым шумом». Но не замолчала. Говорила и говорила.

И когда отмывала седые (в таком-то возрасте!!!) волосы, и когда смазывала шрамы мазью, и когда помогала девочке выйти из ванны...

Сунула ей платье, белье, и приказала одеваться.

Та послушно и молча выполнила приказ.

Лиля только головой покачала. И отправилась с девушкой в комнату к Лари. Хорошо, что все сделали, как она попросила. Лишних комнат в трактире не было, лишнего места тоже. Определять неясно кого на кухню? А если утворит чего?

За Лари Лиля была спокойна.

Деревенская девчонка беззащитной не была. Могла за себя постоять.

А еще – ей не легче пришлось. Найдут о чем поговорить.

Можно бы и к Лиле, да некуда. У нее в комнате и так, пока кровать, сундук, люлька – вот и места уже нет.

Лиля показала на ту кровать, которая была дальше от окна.

– Твое место. Будешь здесь спать.

Девушка провела пальцами по кровати. По гладкой спин-

ке, по подушке...

В голубых глазах блеснули слезы? Живая реакция? Не страх, не боль, не ужас, не отчаяние?

Отлично!

– Ложись и спи. Выспишься – придешь на кухню, попросишь еду. Поняла?

Девушка кивнула.

– Как бы тебя еще назвать?

Кот упоминал, что универсальным обращением было: «Эй ты!». Или еще более короткое слово, обозначающее падшую женщину. Но...

Здесь так говорить – не стоит. В доме водятся дети, а вы себе представляете, как сложно отучить детей от народно-матерной лексики? Нет, вы не представляете! Они б так математику запоминали, как матюги... Лиля и сама в детстве прапорщика дядю Петю подслушивала. Вот кто выразаться умел...

Но учить этому своих детей? Нет, не стоит.

Девушка молчала.

Лиля напрягла фантазию.

Вот ничего, кроме Изауры в голову не шло. От известного бразильского сериала. Но здесь такие имена не приняты... кто там еще был, в сериале? Рита, Жануария, Эстер, Мальвина, Роза...

О!

Роза!

– Я буду звать тебя Розой, – решительно объявила Лиля. – Не захочешь – скажешь. А пока будешь откликаться на это имя.

Девушка медленно кивнула.

Промолчала, но кивнула.

– Я сейчас принесу тебе поесть. Пока немного, бульон и мясо, ты явно не ела досыта, может стать плохо. Понимаешь?

Кивок.

– Поешь немного. Проголодаешься – спускаешься вниз, в кухню. Еще подкормим. Тебе сейчас надо есть не слишком много, но часто. Очень часто. Поняла?

Снова кивок.

– Все. Располагайся.

Лиля решительно вышла.

Показалось ей – или она услышала всхлип из-за двери?

Но возвращаться не стала. Пусть...

Вернулась она через пятнадцать минут, с чашкой куриного бульона и парой кусочков мяса.

Роза так и сидела на кровати, где ее оставили. А на щеках не то, чтобы дорожки, но глазки определенно красноваты.

Вот и отлично. Пока человек способен плакать – его душа жива. Да и устойчивость у местных – в двадцать первом веке люди от зависти заплачут. Что вы хотите – здесь для развлечения с детьми ходят смотреть на казни!

На казни!!!

Колесование, четвертование, повешение, разрывание лошадыми – это не просто страшно. Это кошмар. Лилю от одного перечисления мутило, а Джерисон ничего страшного в этом не видел. Правда, и на площади не ходил, неинтересно было, но если мимо шел – не отворачивался. Хорошо хоть Миранду на такие мероприятия не брали...

Лилия решительно поставила поднос на колени девушке.

– Выпей бульон и скушай мясо. Больше тебе пока нельзя, чуть позднее я тебе еще принесу перекусить. Ребенок толкается?

Кивок.

– Вот и отлично. Ты молоко пьешь? Проблем от него нет? Не тошнит?

В том мире у Лили была знакомая, у которой была непереносимость молока. Лактозы. Девушка ей искренне сочувствовала. Кто знает – поймет. Парное молочко, да со свежим хлебушком, а если еще и горсть ягоды, которую днем собрали, а вечером съели – так никаких невероятных изысков и не надо. Это вкуснее творений самых изысканных кулинаров. Кто пробовал, тот поймет. А некоторые несчастные лишены такого удовольствия. Как тут их не пожалеть?

Качание головой. Нет, не тошнит.

– Следующее кормление – молоко с булочкой. Поела?

Кивок.

– Ложись и спи. Горшок под кроватью. Если кто заглянет

– не пугайся. Здесь все свои, на второй этаж чужим хода нет. Поняла?

Еще один кивок.

Лиля развернулась и вышла. Пусть девчонка отдыхает. Ей это надо...

А ей пора к ребенку.

Малыш Ганц спал, раскидав лапки в стороны. Пеленать его Лиля не стала.

Здесь не просто пеленали, а еще и ноги к специальной доске прибинтовывали, чтобы кривыми не были. Лиля доску решительно убрала.

Пусть малыш машет всеми конечностями, пусть развивает мышцы...

Пеленание хорошо для матери.

Ребенок не пугается, не задевает себя, не ерзает, а еще – спит. Что ему еще делать, когда он увернут, словно гусеница?

Больше, чаще, спокойнее... Это плюс.

Минус – мышцы. И когда перестаешь его пеленать, ребенку сложнее. Так что... вопрос – кого предпочесть. Ребенка – или себя?

Для Лили ответ был очевиден. Лучше она сейчас помучается, но ребенку потом будет лучше. Вот и спал малыш на спинке, обложенный валиками из одеял, чтобы не перевер-

нулся.

Кулачки сжаты, лобик нахмурен, что-то снится...

Лиля разгладила его кончиком пальца.

– Все, малыш. Мама здесь, мама рядом. Фиа, спасибо тебе.

Фиона улыбнулась.

– Все в порядке, Алия. Он так хорошо спит!

– Подожди, своими обзаведешься...

Фиона тряхнула головой.

– Нет уж! Мне надо, чтобы свое дело было! Тогда и детей можно... а то вот осталась мама с нами на руках, и чуть с ума не сошла. Я сначала себя обеспечу...

Лиля кивнула.

– Правильно мыслишь. Вот, готовить ты уже умеешь, шить, вышивать... подрастешь, сможешь матери помогать, может, второй трактир откроете...

– А справимся?

– Почему нет? Если не совсем трактир...

Лиля рассказывала. Фиона слушала.

Потом проснулся маленький Ганц и потребовал кушать.

Фиона вышла из комнаты, задумчивая...

Оказывается, можно и не открывать трактир. Готовые обеды... да, сложно, но можно попробовать. Сколько всего люди придумали! Бистро, кофейни, заведения для дам...

Надо только все очень тщательно рассчитать, чтобы не прогореть. Но это она подумает!

Она вырастет и всему научится!

А замуж?

Успеется...

Девушка отсыпалась больше двух суток.

Лиля приносила ей покушать, выносила горшок – и ничего не говорила.

Не надо.

Пусть в себя придет...

Вот отлежится, отоспится, а там и поговорить сможем. Конечно, это не значит, что Лиля вылечит все душевые раны, как телесные. Такие раны вообще не лечатся, даже в двадцать первом веке.

А уж здесь-то...

Но если девушка хоть чуток компенсируется, уже хорошо.

Забрать ее с собой в Ативерну, а потом в Иртон отправить. Там тихо, спокойно, безопасно... придет в себя, никуда не денется...

Лучшее лекарство от любых душевных переживаний – это спокойствие, безопасность, ну и путешествия.

А ей надо отсюда убираться.

Если уж Котыра облезлая – и тот ее просчитал, хотя и видел-то раз в неделю...

Рвать когти!

Весной – и быстро!!!

Вопрос только один. А как рвать-то будем?

Ладно, это она еще обдумает. А пока – на кухню. Что у нас там сегодня в приоритете?

Ага... блинчики.

Да, далеко ей до маминых, кружевных, но кое-что и Лиля могла. И начинки сделать, и закуски...

А блинный рулет вы пробовали? С шестью видами начинок, от сладкой до мясной? С одного конца – мясо, плавно переходит в овощи, а потом и фрукты. Тут главное сделать – правильно. Так, чтобы переход был плавный и гармоничный.

Кому-то не нравится, а кому-то и по вкусу. Это в подражание старинным рецептам, когда на стол подавали поросенка, у которого, к примеру, голова была печеная, спина жареная, а брюхо вареное. Или что-то в том же духе – Лилия тогда не запоминала.

Но гарнизон же!

Военный городок!

Тут и самим приготовить в радость, и рецептами поделиться, и суп из топора сварить, чуть ли не шесть блюд из одной курицы...

Было бы время да желание!

А сейчас они были, и Лилия с удовольствием отдавалась готовке.

В чем-то... да!

Она даже слегка наслаждалась этим временем.

Она далеко от семьи, она в опасности, но в то же время...

Ей никуда не надо спешить! От нее ничего не зависит. И никто не зависит – практически. Она отвечает за себя и своего ребенка. А остальные... Лари, Марион – они тоже взрослые. И присяги ей не приносили. У них союз равных, а не кто под кем.

А в Ативерне она опять будет графиней.

Какой дурак сказал, что титул – это здорово? Тот, кто ни за что не отвечал. Вообще ни за что.

Это такая ответственность!

Это гранитная плита у тебя на плечах, и давит, давит... страшно подвести тех, кто тебе доверился. Страшно не справиться, не вытянуть, не суметь и увидеть пепелище в конце своей дороги. Кто-то этого не боится и живет по принципу: «после нас хоть потоп». Но это – быдло.

Человек благородный никогда так думать не будет. А есть еще и другая сторона медали. Лиля честно старалась о ней не думать, но факты от этого никуда не денутся.

Здесь она ни за что не отвечает, но... она беззащитна. И это плохо.

Захочет кто-то ей навредить – и навредит, и без проблем. Уже, вот, навредили, если она сидит в чужой стране и имя свое произнести боится. Да, свое имя...

Лиля мысленно пообещала себе, что лично займется безопасностью, по возвращении домой. И пусть ее считают параноиком!

А пока – да здравствуют блинчики!

Конечно, все получилось не так легко и просто.

И ночью к Лиле постучалась Лари.

Как – постучалась!?

Открыла дверь так, что та с размаху стукнулась о стену и чудом не разбудила малыша Ганца.

– Алия!

– Что!? – мгновенно проснулась Лиля.

– Там твоя эта... Роза...

Лиля подхватила – и бросилась вслед за Лари.

М-да.

Имеем классический ночной кошмар, осложненный истерикой. Когда проснулась, но успокоиться не в силах. И трясет, и судорогой выгибает, и слезы катятся, и кулаки сжаты...

Лиля не хотела так поступать. Но...

Был ли другой выход?

Пощечину она залепила с размаху, так, что у несчастной только голова мотнулась.

– Н-на!

Без удовольствия, понятно. Выбора другого не было...

И подействовало.

Девушка всхлипнула, схватилась за щеку, потом за живот...

– Легче? – тихо спросила Лиля.

Та закивала.

Молча. Опять – молча...

Убила бы!

Единственная надежда у Лили была на то, что здесь люди покрепче. Психика у них такая – не переломишь. А понятия «нервный срыв» и в проекте нет.

Что вы хотите?

Здесь проехать по дороге мимо человека, посаженного на кол – дело обыденное... его даже убивать не станут. И первую помощь оказывать. Могут еще и грязью кинуть в умирающего, или посидеть, полюбоваться.

И что?

Посадили – значит, там и сидеть должен.

Такую бы картину в России или в Америке... Лиля представила себе казнь на площади, и подумала, что в обеих странах люди, наверное, реагировали бы одинаково.

Палачей – прибить, узников – освободить.

Люди же...

А здесь будут смотреть. И даже комментировать, и плевать, что завтра они могут оказаться в той же роли и на той же площади. Жутковато это...

Лиля поглядела на Лари.

– Потерпишь ночь? Завтра попробуем ее ко мне переселить.

– Чтобы она и у тебя так верещала?

– Ну...

– Потерплю. Алия, ты ей поможешь?

– Постараюсь...

Одна идея у Лилиан была. Хотя отец-основатель психиатрии наверняка обозвал бы ее идиоткой и убил томиком своих трудов.

А и ладно! Пусть он сначала хоть родится в этом мире... и кстати! Когда он решит стать врачом, он будет читать труды Лилиан Иртон и Тахира дин Дашшара.

Однако!

Вот и пожалеешь, что психологию прогуливала. А то бы сейчас... Ух! И даже – Ых!

Лиля махнула рукой. Спустилась вниз, на кухню, достала бутылку со слабеньким вином.

Руки быстро делали свое дело.

Угольки в печи есть, вот растопка... маленькая жаровня. Подогреть вино, всыпать туда немного специй, порезать яблоко, бросить клюкву...

Этакий грог.

Научно его не так делают?

Будем считать, семейный рецепт.

С тем Лиля и вернулась к девушкам. Протянула большую кружку с горячим питьем бедолаге Розе.

– Пей. Горячее, тебе надо. И... Лари, принеси из моей комнаты, из сундука, шерстяные носки?

Роза пила. Послушно, даже стараясь не кривиться, всхлипывая на пределе слышимости. Лари вернулась с носками и лично натянула их на девушку.

– Ноги ледяные, – прокомментировала она.

Лиля подождала, пока Роза допьет, и взяла ее за руки.

Тоже ледяные, кто бы сомневался.

Истерика же, спазм сосудов, вот и получите радости....

Тут надо отпаивать, греть и успокаивать. Этим Лиля и занялась.

Методично, без суеты. И в шаль закутала, так, что наружу один нос торчал, и по волосам погладила, и руки растерла, и одеялом укрыла.

– Не переживай. Все будет в порядке.

Убаюкать девчонку у нее не получилось – Ганц проснулся. Пришлось отправляться к сыну. А Лари посмотрела на сверток на кровати, и вздохнула.

Пересела на место Лили, погладила девчонку по волосам...

– Не переживай. Все будет хорошо. Видела бы ты, какой я была, когда мы встретились. А сейчас у меня все хорошо, и у тебя все образуется... Алия – она такая...

Кажется, ей не верили.

Ничего. Перемелется – мука будет.

– Как ваши дела?

Лиля без особой любви посмотрела на Кота, который заглянул в трактир. То ли за своими любимыми мышами, то ли за новостями...

– Как-как... раком! По буеракам! Девчонка вся изломанная, по ней что – тяжеловозами топтались?

– Знаю.

– Вот... – продолжала ворчать Лиля, – собирая на стол. – Знают тут... умные разные. А кому эту проблему решать? Але...

– Выгнать-то ты ее всегда можешь.

Лиля посмотрела так, что Кот должен был устыдиться. Как же! Коты и стыд – это две разные вселенные. В принципе.

– Не могу. Жалко.

Кот расплылся в улыбке.

– Знаю. А что с ней не так-то? Ну, молчит! Но выполняет, что сказано, а чего еще надо?

– Кошмары у нее. Вот она и орет во сне. А дети просыпаются, пугаются.

– Холодной водой на темечко, – со знанием дела посоветовал Кот. – Пару раз отольешь, потом лучше будет.

Лиля качнула головой.

Ей этот способ не нравился. Определенно.

– Разберемся. Приятного аппетита.

– Благодарствую. Ты это... вот еще что!

– Что?

– В городе ходите поосторожнее.

Лиля наострила ушки.

– Что случилось?

– Да ходит тут очередной... трепач. Людей накручивает, а те слушают и верят.

– Ага...

– А дурные, сама понимаешь, опасные. Да и проповедует он против баб. Чтобы, значит, все бабы глаза книзу, в закрытых одеждах, и не дай Альдоной какая думать начнет. А вы... сама понимаешь. Знатную даму он тронуть не осмелится, а вот на простых горожанок натравить может. Поняла?

Лиля кивнула.

И задумалась над печальной проблемой. Ну да, баба искушает, а потому давайте ее завернем в три слоя тряпок. И еще добавим по шее, чтобы точно не искушала.

Вопрос. А почему с мужиками так нельзя? Вдруг ее тоже кто-то искушает? Впрочем, вслух она это говорить не стала.

– Спасибо.

– Да было б за что. Поберегитесь, надолго его не хватит, градоправитель уже задумался...

– А что так?

По мнению Лили, ко всяким пророкам в этом времени проявляли вовсе уж неуместную толерантность. Нет бы его палкой поперек хребта пролечить – его еще и слушают! Мамочки мои!

Всякую нечисть, которая мылась в прошлом столетии! А уж что те пророки несут – уши вянут и на ходу отваливаются!

– Кому ж такое в собственном городе нравится?

– Ну-ну...

Лилия сомневалась, что пророка вскоре выгонят, а потому обещала быть осторожнее. А когда Кот ушел, немного посидела, подумала, а потом встала и пошла искать необходимое. Мужчина навел ее на хорошую мысль, и эту мысль надо было как можно скорее претворить в дело!

Вам нужен психотерапевт?

Да?

Нет.

На самом деле вам нужен не психотерапевт, до рождения которых осталось около двухсот – трехсот лет. Вам нужно нечто большее.

Или – меньшее.

Долго искать не пришлось. Выйти, да и дойти до ближайшей помойки. И прислушаться.

Приглядеться, помахать в воздухе кусочком колбаски.

И – услышать жалобный визг.

Щенок.

Самый обычный псеныш, беспородный и голодный. Но – везучий. И боевой.

Его еще не сожрали крысы или бродяги, его еще не прибили добрые люди, он пока еще выживал. И на Лилию смотрел без всякого доверия, даром, что был ненамного крупнее ее ладони. Но ей здоровущая собака пока и не требовалась. А вот такое...

Поймать щенка она не смогла бы – не в этом состоянии. Когда ты недавно родила, сложно бывает двигаться свободно и легко.

Но ребята, присланные Котом, справились. И вскоре в руках у Лилиан барахтался мокрый, грязный и донельзя вонючий комок.

Ворчал, скалил щенячьи зубки. А потом...

Потом вдруг принюхался и заскулил.

От Лили пахло самым заветно-щенячьим.

Материнским молоком.

Собачье пахнет иначе?

А матери всегда пахнут одинаково, будь они хоть кошачьи, хоть собачьи, хоть человечесьи. Заботой они пахнут. И малышами. И спокойствием...

Псеныш полез мокрым носом в грудь женщины. Лиля рассмеялась, и погладила его по голове. Громадные карие глаза смотрели доверчиво.

Ты пришла – и все будет хорошо?

Правда же?

Ты меня не бросишь?

– Не брошу, – пообещала Лиля. И направилась обратно в трактир.

Кажется, малявки решили, что она с ума сошла. Посмотрим, что позднее скажут.

Щенка отмывали в шести водах.

Купали, полоскали, нюхали, опять купали... в чем он валялся – кто ж его знает?

Судя по запаху и стойкости грязи – в смеси дерьма и клея. Пришлось часа два потратить, прежде, чем шкурка малыша запахла если и не чистотой, то хотя бы мылом.

Щенку это не нравилось, он тявкал, рычал и ворчал, чем привлек на кухню всех обитателей дома. В том числе и детей.

– Это нам? – тут же поинтересовалась Фиона.

– Нет, – строго ответила Лиля. – Вы его замучаете.

– Мам! – хныкнул Ром.

Марион погрозила пальцем.

– Посмотрим на ваше поведение.

Отмытый собаченыш оказался черно-белым.

Белая шкурка была украшена россыпью забавных черных пятнышек. На глазу, на ухе, на брюшке и хвостике, которым он постоянно вилял, уже поверив, что попал в хорошие руки...

– Будешь... а кем ты у меня будешь? – Лиля задумалась. На память приходили то клички из Джека Лондона, но там не все собаки хорошо кончали.

И вообще...

Как правило, знаменитые собаки – это истории собачьего самопожертвования. Как Фрам. Как Хатико...

Назвать так собаку?

– Шариком будешь, – твердо решила Лиля. – И еще заве-

дем к тебе в комплект полосатого кота, дай время. И назовем Матроскиным.*.

*– Э. Успенский. *Трое из Простоквашино, прим. авт.*

Конечно, и у этого Шарика приключений хватало, но все они заканчивались хорошо. А это главное. Имя... ладно, Лиля не верила, что оно притягивает судьбу. Или верила?

Нет, не верила. Но зачем ее испытывать на прочность?

Шарику было все равно. Шарик, ролик, крестик, нолик... да хоть как назовите, только больше никуда не выбрасывайте! И никому не отдавайте!

А вот миска с молоком и несколько кусочков мяса его интересовали намного больше.

Лопал он – за ушами трещало. И подбежал лизаться...

Лиля подхватила его под брюшко.

– Пошли, малыш...

Роза так и сидела в комнате.

Смотрела в одну точку, о чем-то думала.

Лиля, не особо размышляя, прошла к ней – и положила на колени щенка.

– Вот.

Ответом была вскинутая голова, удивленный взгляд голубых глаз.

Молчание...

– Его зовут Шариком. У него умерла мать, он оказался на

– Опять! – выдохнул Ричард, глядя на очередное тело. Вообще-то короли таким не занимаются. Но...

Злость берет, знаете ли! Бешенство!

И когда ему доложили, что найдена новая жертва Потрошителя...

Конечно, на место происшествия его величество не поехал. А вот в покойницкую, куда и свозили трупы, наведался.

Девушка.

Совсем молоденькая, не старше Миранды.

Кстати – похожа на Мири. Черные волосы спутаны в колтуны, громадные голубые глаза широко открыты, раны уродуют хрупкое тело...

– С... и б...

Выругался король не хуже дворника, только вот не помогло.

И что делать – тоже непонятно!

Где шильды носят Ганца Тримейна!?

– Без охраны не ходи, где попало не гуляй...

Ворчала Миранда без особого запала. Все она понимала, чего тут не понять? Отец волнуется. Он уже маму не уберег, если он еще и Мири не убережет, только головой в прорубь и останется.

Поэтому за ней следовали двое вирман. А Нанук...

Нанук мог и вообще домой не возвращаться.

Дамы, что человеческие, что собачьи, были в чем-то очень похожи. У всех женщин, хоть двуногих, хоть четверолапых, после рождения ребенка сильно портился характер. *

**– статистику автор собирала лично, по знакомым. Частенько не только характер портился, но и отношения с супругом, прим. авт.*

Мужчины при этом стремились сбежать от карающей длани супруги, и характер дамы портился еще сильнее. У Ляли – точно.

Миранда ее «Гррррры!» в адрес Нанука переводила со стопроцентной точностью. Бросил меня, бедную, гуляет невесть где, а я одна! Совсем одна! Одна, со всей щенячьей сворой!

Папаша!!!

Нанук оправдывался скулежом.

Дорогая, ты же понимаешь, что у меня работа! Двуногие такие уязвимые, ни клыков у них нет, ни когтей... всюду с ними ходить надо! За ручку водить... такие беспомощные!

Ужас!

Ну как их таких бросишь!

Ляля не верила. Миранда тоже не верила, но выдавать верного пса не спешила. Ей пятнадцати минут хватало с Романом и Джейкобом во времена оны, чтобы взвыть и сбежать. Лиля считала, что Мири пригодятся навыки работы с детьми, но...

Но дети же!!!

Никакого материнского инстинкта на тот момент (и на этот тоже) у девочки не возникло, и умиления тоже... нет, пса она не выдаст! Там было всего двое, а тут – восемь! И никаких слуг... бедная Ляля.

Сегодня Миранда сбежала на пристань к деду.

Барон Брокленд прислал ей письмо, что надо бы поторопиться. В гавань пришло судно, груженое шелком, а у торгового дома Мариэль в нем потребность была всегда. Перебить цену и выкупить вперед конкурентов товар! И побыстрее!

Август мог бы, но мужчина плохо себе представлял, что нужно для торгового дома Мариэль. А Миранда как раз была в курсе. Так что...

Сейчас она дойдет до места встречи с дедом, а уж он сопроводит ее на корабль. Там и с капитаном поговорят.

Планировала-то Мири хорошо, но без приключений не обошлась. И дойти до деда не успела – услышала дикий крик.

Каким образом бедняга который не умеет плавать, оказался в воде?

Да шутников хватает, столкнули с пирса – и все!

А пирс-то каменный, скользкий и высокий. Не влезешь, не уцепишься...

И стоят, гогочут, пьянь такая!

Влезть можно дальше по берегу, метров через двадцать, но это если ты плавать умеешь! А если нет? Всякие ситуации

бывают, в том числе и такая...

Потонет?

Вполне возможно. Но смотреть на это, как на развлечение? Когда имеешь возможность помочь и спасти живую душу? Это уж вовсе для подонков!

Мири оглянулась на вирман. Гэл принялся стаскивать кольчугу и вынимать оружие из ножен, но Нанук успел первым.

Серая молния метнулась в воду одним длинным, безукоризненно красивым прыжком. Почти без брызг нырнула неподалеку от утопающего, но тут же вынырнула – и поплыла к мужчине.

И схватила за плечо зубами.

Умеют собаки как-то это делать – и не поранят, и не вырвешься. Это вам не у человека дергаться, пес шуточек не понимает. И может или сжать клыки посильнее, или вообще безглаголиво сплунуть идиота. Еще неизвестно, что хуже. Нанук умел спасать людей, и теперь уверенно плыл к тому месту, откуда можно было выбраться на берег. Мужчина в его зубах вел себя самым лучшим образом – обвис и не дергался. Может, даже сознание от страха потерял – улыбочка у пса была шикарная. Кто-то и описаться мог... от восторга!

Компания алкашей туда сорвалась первыми. Миранда и вирмане чуточку замешкались.

И в общей толпе бегать ни к чему, и вообще леди не бегают, а шествуют (если и бегают, то только когда их никто не

видит), и Гэлу надо одеться...

Тем временем Нанук вытащил пострадавшего на берег – и был тут же «вознагражден» за это.

– Оставь его, чудовище!!!

Особо храбрых среди алкашей не было, а клыки у пса были отлично видны. Так что орали пока с расстояния в три шага.

– Кыш!!!

– Брось его!!!

Что мог в ответ на это сказать или сделать пес?

Да уж понятно, не рвать идиотов в клочья – отравишься еще! А вот брезгливо сплюнуть спасенного на песок – запросто.

И...

Собака, которая вылезла из воды – встряхивается.

Это закон жизни.

А второй закон гласит, что даже самая крохотная собака, которая встряхивается, способна насмерть уделать все окружающее пространство. Даже если оно размером со стадион.

Будь эти алкаши трезвее – дело другое. Но куда там!

Увернуться не успел никто.

Нанук напоследок дернул хвостом, полюбовался на отряд водно-песчаных големов, и направился к хозяйке. До которой, кстати, ничего и не долетело. Иногда спешить и не надо – целее будешь.

– Ты ж моя умничка, – погладила его Мири. – Мое сокро-

вище! Прелесть...

«Големы» обреченно смотрели со стороны, но вмешаться и качать права не решались. Вирмане выглядели намного внушительнее собак. И клинки у них явно не для красоты, особенно топор у старшего. Такой и не вдруг поднимешь! И взгляды у них какие-то нехорошие...

Вечером Мири рассказывала о своем приключении отцу. Шелк она купила, и была ужасно довольна всей ситуацией. Джес сидел, слушал...

Да, собаки.

Они очень полезны.

Нанук и вора задержал... воровку, и человека из воды вытащил, и еще может что-то полезное сделать... но это – Нанук! Он невероятно умный.

А другие собаки?

Может, и кто-то еще на такое способен?

При дворе были псарни, и у Джерисона тоже псарня была, но он туда даже не заходил. Так, изредка. И с псарем не говорил...

А может, стоит поговорить?

У него восемь вирманских щенков, и их на псарню?

И использовать только для охоты?

Воля ваша, но это расточительно! Более того, это преступление! Это как меч использовать вместо коромысла... нет,

так нельзя! И Джерисон отправился на поиски того, кто действительно мог помочь в данной ситуации.

Сначала – на псарню.

Псарня.

Джерисон там сто лет не был. Вот Джайс Иртон был любителем псовой охоты, при нем до ста собак на псарне было, а Джес...

Ему это не нравилось. Нечестно как-то...

И вообще, охотиться он предпочитает лично. И на другую дичь. Очаровательную и утонченную. И то забыл, как женился... и ведь не тянет уже. Или тянет?

Да нет, столько дел, столько впечатлений, какие тут любовницы? Не до них!

Вот и псарня. Всего десяток собак, привычных, гончих, с висячими ушами, бело-черно-рыжих, совсем не похожих на Нанука и Лялю.

Те серые, мохнатые, что твои волки, а эти легкие, поджарые.

Но Нанук один на один сойдется даже с волком. А эти...

Вдесятером они медведя... если и не загрызут, то отвлекут и задержат.

Вот и псарь.

– Ваше сиятельство.

– Реми, – вспомнил его имя Джес. – Как у вас дела обсто-

ят, всего ли достаточно?

Псарня была большим загоном. Крытым, и рядом пространство, огороженное забором. Собаки находились кто внутри, кто снаружи. Кто спал, кто гулял, при виде Реми псы оживились, зашевелились...

Вот поилка у стены, наполненная свежей водой. Солома чистая, пахнет псиной, но тоже не грязной и в нечистотах, а обычной.

– Благодарю, ваше сиятельство, всего достаточно. Собаки здоровы...

– Реми, мне бы хотелось посоветоваться.

– Ваше сиятельство?

– У моей дочери есть вирманские псы, вы знаете.

– О, да, ваше сиятельство!

Просиявшее лицо собачника было замечательным ответом. Реми явно знал. Но...

– И недавно Ляля оценилась.

– Да, ваше сиятельство, – согласился псарь. – Восемь щенков, это очень неплохо для первых родов. Вы собираетесь их отправить на псарню?

– Судя по вашему лицу, Реми – не стоит? – прозорливо угадал Джерисон.

– Я бы не советовал, – согласился Реми. – Во-первых, не дело смешивать две разные породы, у нас же тут все вместе, это только еще одну псарню строить. Во-вторых, это очень разные виды. Гончие – для них стая, охота... это важно. А

вирманцы не для того созданы, у них на острове отродясь охоты не было...

Джес внимательно слушал.

Получалось следующее.

Если гончие заточены под охоту, под жизнь в стае, если для них это счастье, то вирманские собаки изначально создавались, как компаньоны. Выводились, как друзья, помощники... всякая собака друг и помощник?

Так, да не так.

Есть собаки для кортежа, красивые, но научить их ничему не получится. Хоть ты всю жизнь учи. Есть охранные породы. Есть декоративные, охотничьи. А есть – вот такие.

Которые и хозяина на себе вытащат, и сражаться рядом с ним будут, и детей на них можно оставить, потому как основным критерием выбора вирманских щенят был их ум.

А еще порода эта была достаточно редкой, потому как Вирма – остров. И в голодные годы... все понимают. Разное случалось, и сохранить своих псов сумели только самые богатые рода... Эрик сделал Лилиан королевский подарок, и ее сиятельство сумела оценить его по достоинству.

Редкая порода. Сложная порода. Не стайная.

Порода, которой нужен один хозяин, собака, которую необходимо не просто уважать – воспитывать совершенно особым образом, каждую... и вести линию размножения. И... очень много чего еще.

У Джерисона голова кругом шла.

Заниматься вирманскими собаками?

Считай, совершенно новое направление. Собака, которая будет партнером своего хозяина, охранником, нянькой... да, такая собака ближе, чем иной родственник.

А заниматься придется.

Или – нет?

Реми пылал энтузиазмом, только дай. А виконтесса его к щенкам не подпускает, советы слушает, но и только. А воспитывать понадобится уже скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.